

Михаил Родионов

# Золото Колчака

Безликие. Книга 2



Михаил Родионов

**Золото Колчака.  
Безликие. Книга 2**

«Издательские решения»

**Родионов М.**

Золото Колчака. Безликие. Книга 2 / М. Родионов —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740903-6

Знакомых читателю по книге «Меч Спартака» героев отправляют назад, в 30—40-е годы прошлого века с целью раскрыть тайну пропавшего золота адмирала Колчака. Страницы героического прошлого переплетаются с картинами жизни сегодняшнего дня.

ISBN 978-5-44-740903-6

© Родионов М.  
© Издательские решения

## Содержание

Часть I	6
Часть II	28
Часть III	48
Конец ознакомительного фрагмента.	64

# **Золото Колчака Безликие. Книга 2**

**Михаил Родионов**

*Ни с кем не случается ничего такого,  
Чего он не в силах был бы вынести.*  
**Марк Антоний**

© Михаил Родионов, 2019

ISBN 978-5-4474-0903-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Часть I

– Ты что, вообще, не понимаешь, куда ты попал и что тебе светит? Сегодня у нас с тобой последняя встреча. Завтра ты предстанешь перед Военным Трибуналом, поэтому все, что мы с тобой сегодня еще можем изменить в твоём деле, и будет твоим спасением. Тебя задержали на военном заводе с гранатой у секретного оборудования. Ты можешь хотя бы сказать, что нашел ее у забора и нес в ОГПУ, чтобы сдать?

– Но ведь я купил ее на рынке у беспризорных...

– Вот за то, что купил и пронес на завод, ты и получишь вышку. Я проверил тебя по всем запросам, и ты у нас нигде не числишься. Поэтому просто скажи, что нашел ее, и получишь срок, тебя хотя бы не расстреляют. Ты понимаешь меня?

– Да, понимаю... Я нашел гранату на заводе.

– Ну, вот так уже лучше.

– Там же рядом лежал и пистолет...

– Пистолет? Да какой еще пистолет-то? Откуда он взялся? Где он?

– Я его положил за свой шкафчик. Он завернут в тряпку и перевязан веревкой.

– Ты его в руки брал? Если брал, то там остались твои отпечатки.

– Да, брал.

– М-да... Судя по всему, помочь тебе я уже ничем не смогу. Если ты сам подписываешь свой смертный приговор, то спасти твою жизнь я уже просто бессилён...

– Двадцатого октября тысяча девятьсот двадцать шестого года, – На основании вышеизложенных фактов, Военный Трибунал признал виновным

Михайлова Валерия Ивановича в измене Родине и активной контрреволюционной диверсионно-вредительской деятельности, направленной на подрыв боевой мощи РККА и Советской власти, что предусмотрено статьями: 58—16, 58—7, 58—9, 58—11 УК РСФСР

Приговорил: определить наказание двадцать пять лет лишения свободы в Исправительном Трудовом Лагере. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Подсудимый, вам ясен приговор?

– Да, ясен. Только за что четвертак-то дали?

– А ты думал, что тебя за это по головке погладят? Радуйся, что, вообще, не расстреляли... Конвой, уведите заключенного и заводите следующего...

Через две недели Михайлов уже был в лагере. Во время этапа уголовники отобрали у него теплые вещи и все, что могло представлять хоть какую-то ценность. В лагерь он вошел в рванье, которое только условно скрывало его голое тело. На ногах были обмотки из старых полусгнивших портянок, перевязанных лоскутками грязных тряпок. Он не ел несколько дней и еле держался на ногах от нечеловеческой усталости и голода. Еще в предварительной камере ему выбили все передние зубы, и десны постоянно кровоточили, из-за чего ему приходилось все время сплевывать смесь крови и слюны. Два сломанных ребра не позволяли дышать полной грудью и придавали его походке плавающий вид. Взгляд некогда сверкающих глаз теперь все время был обращен в землю, а простуженный голос, казалось, выходил откуда-то, как из глубокой бочки.

На первом же построении он неуклюже наступил на ногу какому-то блатному – и, получив сильнейший удар в ухо, потерял сознание. Его кое-как привели в чувство и с большим трудом поставили в конец строя. Он стоял на подкашивающихся ногах и пытался слушать начальника зоны. Отбитое ухо опухло, и ему приходилось прислушиваться, повернув голову

здоровым ухом к говорившему. Наконец, всех повели к баракам. Едва только взглянув на него, бригадир указал на грязный угол, где уже ютились несколько человек:

– Тебе сюда. Дальше половины барака не заходи – убьют. Только если позовут, тогда можешь подойти. Ни до кого не дотрагивайся и сам ни с кем не заговаривай первым. Ничего не проси и никому не верь, тогда, может, и выживешь здесь, хотя, судя по тебе, – вряд ли. Все понял?

– Понял.

– В строю будешь стоять с ними... – старший ударил ногой по шконкам, и они задрожали от сильного удара. Сидящие на досках люди тут же вскочили и теперь стояли в проходе, опустив головы. – Располагайся.

Ночью уголовники устроили прописку вновь прибывшим. Блатные сразу же ушли к своим, а прописка была предусмотрена только для политических и первоходок. К утру у Михайлова были сломаны еще два ребра и один глаз полностью скрылся в подтеке. Его сосед по шконке помог ему умыться лицом и дал старую рубашку. Она осталась от одного сидельца, которого убили за то, что он съел часть хлеба, который должен был принести в барак для уголовников. С убитого тут же стянули все вещи, хоронили его уже совершенно голым. Теперь часть его одежды была на Михайлове.

Первые два дня ему не доставалось никакой еды, и он пил только воду. У него было сотрясение мозга, и все время кружилась голова. На работах от него было мало толку, так как из-за сломанных ребер он не мог поднять топора, поэтому его поставили на неделю мыть полы в бараках и служебных помещениях. И если в кабинетах еще можно было хоть как-то навести чистоту, то в спальных бараках все ходили в обуви и всю грязь с улицы тащили в помещение.

Михайлов первое время еще пытался добросовестно мыть там полы, но получалось только размазывание грязи. На третий день он уже приноровился и просто подметал пол, а вечером, когда все возвращались с работы, просто получал от блатных несколько ударов в лицо за грязь в бараке, и до следующего вечера про него напрочь забывали. Судя по всему, такой вариант устраивал всех.

Соседи Михайлова пару раз приносили ему из столовой хлеб, и он ночью, тайком, ел его, отвернувшись ото всех и дрожа над каждой крошкой. Наконец, и он попал в столовую. Когда ему в миску швырнули кусок каши, то он не смог даже дойти до стола. Сделав шаг в сторону, он принялся руками заталкивать себе в рот это месиво. Желудок от долгого голодания сжался, и Михайлов с трудом сумел затолкать в себя содержимое тарелки. Небольшой комок каши он предусмотрительно засунул себе за пояс в надежде съесть ночью. Но это заметил повар. Он со всего маху ударил Михайлова по голове половником, и вся заначка вывалилась на пол. Михайлов тут же бросился на пол собирать свое сокровище под дикий хохот. Все вокруг смеялись до икоты. Зрелище, действительно, было смешным или страшным, в зависимости от того, с какой стороны смотреть. Один из уголовников наступил на руку Михайлову, и из-под раздавленной ладони полезла размазня. Михайлов другой рукой стал отковыривать вылезшую из-под сапога кашу и заталкивать себе в рот. Это еще больше рассмешило присутствующих. Один из них поставил ногу ему на плечо и произнес сквозь смех:

– Ты голодный, что ли? Сегодня вечером подойдешь ко мне, я накормлю тебя.

– Да, подойду...

Под общий смех блатные ушли по своим делам.

Ближе к вечеру вокруг Михайлова собрались его соседи:

– Когда пойдешь к ним, главное, не трогай их шконки – они этого очень не любят. И не переспрашивай, когда будут говорить. Если предложат кого-нибудь завалить, то лучше сразу отказывайся, тогда немного побьют и отстанут, а если согласишься и не завалишь, то

тебя точно кончат. Если дадут хлеб, то сразу не ешь, сначала спроси, что хотят за него. В глаза «законникам» не смотри и, вообще, старайся говорить как можно меньше.

Его еще долго инструктировали, но предусмотреть все варианты было просто невозможно. Когда уже стемнело, он попрощался со своими новыми товарищами по несчастью и направился в самый конец барака. Он шел очень медленно, испуганно озираясь и вздрагивая от каждого громкого звука. Зеки удивленно рассматривали проходящую мимо них человеческую фигуру. Михайлов, словно в тумане, плыл к своей будущей судьбе. То, что именно сейчас решится, будет ли он еще мучиться в этом лагере или сейчас закончит свое земное существование, – было ясно еще с утра.

Вслед за ним уже шли несколько блатных. Они вальяжно переваливались с ноги на ногу и нарочито вызывающе поигрывали финками. Михайлов не знал, где находится место утреннего блатного, и поэтому изредка поднимал взгляд с пола на шконки и высматривал нужного ему человека.

– Чего ты тарачишься? Жить надоело? Чего нужно здесь?

– Мне сказали вечером подойти.

– Я, что ли, тебе сказал подойти?

– Нет.

– А чего пялишься на меня тогда? Двигай отсюда, пока живой.

Наконец, знакомый голос окликнул его:

– Сюда иди.

Михайлов сделал еще несколько шагов и остановился напротив окликнувшего его человека.

– Напомни мне, что я от тебя хотел?

– Накормить меня хотел.

– Накормить? А у меня что здесь, продовольственный склад, что ли? По какой статье чалишься, сколько лет впаяли?

– Пятьдесят восьмая, двадцать пять лет.

– Двадцать пять? И ты думаешь, хоть половину продержишься? Пятьдесят восьмая – измена Родине. Значит, Родину не любишь? Ну, мы тебя здесь быстро научим, как Родину любить.

Он сделал знак пальцами, сплошь покрытыми воровскими наколками, и на Михайлова тут же посыпались удары со всех сторон. Он упал на пол и постарался прикрыть руками сломанные ребра. Били в этот раз недолго и не очень сильно. Выбили еще пару зубов, и на этом первая часть запугивания была закончена.

– Ну, ты понял, что здесь тебе не у бабы подмышкой?

– Понял.

– Ну, если понял – это хорошо. Так, говоришь, есть хочешь? А здесь просто так ничего и никому не дают. Что умеешь делать?

– А что нужно?

– Ну, много чего. Завалить человека сможешь?

– Нет.

– Это плохо. Ладно, у меня шестерки для этого есть. Ну, на музыкальных инструментах можешь играть? На гитаре там или гармошке?

– Нет.

– Похоже, ты бестолковый фраер, и толку от тебя нет. Ладно, неделю еще моешь полы, а потом на лесоповал. И чтобы план мне давал по полной программе. Будешь плохо работать – пожалеешь, что на свет родился. А сейчас вали отсюда и на глаза мне больше не попадайся.



Михайлов вытер кровавый рот и, не поднимая глаз, молча, пошел к своему месту. Там его уже ждали знакомые:

– Ну, как все прошло?

– Нормально.

– Заставили убить кого?

– Нет, на лесоповал через неделю сказали идти.

– Ну, тебе повезло сегодня.

– А кто это был, вообще? Это смотрящий зоны?

– Нет, ты что? К смотрящему тебя даже близко бы не подпустили. Мы сами-то его всего несколько раз видели. Он в другом бараке живет. Туда даже подойти тебе не дадут. А это был один из уголовных авторитетов. Тоже один из уважаемых воров здесь.

Примерно через месяц жизнь потихоньку стала входить в какое-то постоянное русло, и дни потекли своей чередой. Раз в неделю его избивали, но уже не так сильно, и буквально уже на следующий день он практически полностью приходил в себя. Это было нормой, и каждый здесь получал свою долю унижений и издевательств с определенной регулярностью.

Когда кого-то в бараке убивали, то это считалось небольшим праздником, так как вся одежда с убитого или умершего доставалась Михайлову и его соседям. А так как люди здесь особо не задерживались и очень быстро меняли грязный барак на небесные храмы, то Михайлов очень скоро приоделся, по местным меркам, очень даже прилично. У него уже были кое-какие ботинки и грязный ватник, прожженные штаны и рваная кофта с такой же рубашкой.

На работе он по причине своего бессилия рубил ветки у сваленных деревьев и носил их к кострам. Все время очень хотелось есть, и было постоянное чувство холода, которое буквально насквозь пронизывало его тело. Холод был постоянным спутником и ночью в бараке, и на работах в лесу. Те секунды, которые он проводил у костра, когда приносил ветки, казались ему настоящим счастьем. Он все время задерживался у огня, пытаясь лучше разложить ветки, и его рукам частенько сильно доставалось. На его обгоревшие пальцы невозможно было смотреть без содроганий.

Претензий к нему насчет работы ни у кого не возникало, так как он делал все, что от него требовалось, но и особой инициативы от него нельзя было дожидаться. Он был неразговорчив и не смог завести себе друзей среди новых знакомых. Единственный человек, с которым он хоть как-то общался, – это сосед по шконке. Он также был не очень общительным, а вернее, совсем замкнутым. Все, что от него слышали, так это нечленораздельный звук, который тот издавал на всех проверках, когда называлась его фамилия. Именно на почве неразговорчивости они и сошлись. Им достаточно было просто вместе молчать, и это был для них самый идеальный диалог.

На первом месяце отсидки Михайлова несколько раз вызывал к себе особист. У него было хорошо – тепло и чисто, и можно было несколько минут посидеть на настоящем табурете. Чай никогда не предлагали, но зато можно было посмотреть, как офицер пьет из большого стакана, и услышать такой вкусный аромат настоящей свежей заварки. Это были небольшие минуты радости, которые несколько скрашивали однообразные рабочие будни. Разговор у особиста всегда начинался одинаково:

– Ну, как вам здесь живется?

– Хорошо, гражданин начальник.

– Блатные не обижают?

– Нет, гражданин начальник.

– А кормят как?

– Хорошо, гражданин начальник.

– План выполняете?

– Да, гражданин начальник...

После небольшого диалога подходила развязка:

– Можно сделать так, что кормить вас будут лучше, да и работу полегче подышем.

Хотите?

– Хочу, гражданин начальник.

– Тогда скажите мне, кто на прошлой неделе подрезал бригадира в вашем бараке.

– Я не знаю, гражданин начальник.

– А хорошо жить, значит, хотите в лагере?

– Хочу, гражданин начальник.

После пяти-десяти минут таких разговоров его выгоняли из кабинета, и в личном деле ставилась очередная отметка – глуп или хитер, для сотрудничества не годится.

Первый год был самым тяжелым. Зимой он подхватил воспаление легких, и теперь хриплый мокрый кашель стал его неизменным спутником. Но это принесло и свои плюсы. Теперь его почти перестали избивать, так как уголовники старались поменьше соприкасаться со всеми, кто имел проблемы со здоровьем, особенно с легкими. Все очень опасались туберкулеза, и это служило хорошей защитой.

Однажды ему несказанно повезло. Он попался на глаза «хозяину», начальнику зоны, когда тому неожиданно понадобились зеки для погрузки досок на телегу. Михайлов как раз пытался незаметно пробраться к себе в барак, и солдат, недолго думая, представил его высшему руководству для внеплановых работ.

– Возьмите еще двух заключенных, и через час все телеги должны быть погружены и отправлены на станцию. Там разгрузите, отметите в документах и сразу же обратно. По дороге заедете по этому адресу и привезете сюда ящики с пилами.

Солдат по стойке смирно слушал распоряжение руководства и, когда тот закончил, что есть силы ударил прикладом винтовки в плечо Михайлову:

– Ты не слышал? Бегом выполнять...

Михайлов не поверил своим ушам. Первый раз за столько времени ему подвернулась возможность выйти за пределы лагеря не на лесоповал, а на настоящую железнодорожную станцию. Он бросился в барак с одной лишь мыслью, чтобы начальники не передумали. Михайлов с огромными вытаращенными глазами ворвался в барак. Все, кто видел его в этот момент, невольно отшатнулись от этого внезапно сошедшего с ума человека. Он подскочил к своему другу и зашептал ему в ухо:

– Быстро собирайся. Мы едем на станцию...

Ровно через минуту они втроем уже грузили доски на подводы и радовались своей счастливой звезде. Поздним вечером все закончили, и колонна телег направилась за ворота лагеря. Несколько солдат сопровождали заключенных и ехали на телегах спереди и сзади. Михайлов с друзьями удобно лежал на досках и радостно смотрел по сторонам. То, что стояла непроглядная ночь, и ничего не было видно, его не смущало. Главное, что он не видел бесконечного лагерного забора.

Ехать пришлось всю ночь и часть утра. Солдаты выдали каждому заключенному по банке тушенки, и теперь к кажущейся свободе прибавилось еще и чувство небольшой сытости. Банка пролетела незаметно, но оставила после себя сильную тошноту, и все, что еще минуту назад приносило неземное наслаждение, теперь вывалилось на пыльную дорогу.

И все равно Михайлов был на седьмом небе от счастья. Ему впервые за много месяцев не хотелось есть. Его выворачивало наизнанку от тушенки, но зато уже не было чувства голода, и это было просто здорово. А когда подошло время обедать и охранники выдали еще по одной банке тушенки, то радости не было предела. Единственное, что было неприятным, так это

ждать свою банку и смотреть, как солдат тупым штыком пытается ее открыть. Это было выше человеческих сил. На каждую банку у него уходило не менее десяти мучительных бесконечных минут. Наконец, Михайлов не выдержал и обратился к солдату:

– Гражданин начальник, разрешите обратиться?

– Давай, чего там у тебя?

– Хотите, я вам штык наточу, а то смотреть тяжело, как вы мучаетесь с банками.

– А ты не смотри. А будешь много разговаривать, так я твою долю вон поделщикам твоим отдам. Им без разницы, какой у меня штык.

– Я просто хотел, как лучше...

На обратном пути солдат подошел к Михайлову и протянул штык:

– Держи. И смотри мне – без глупостей. Чуть что не так, сразу стреляю, так что даже не думай...

– Все будет в порядке, гражданин начальник. Мне бы еще камень точильный или кусок кирпичика, на худой конец.

– Вот держи. Только маленький кусок остался точильного камня. Вот еще паста голая есть и ремень кожаный.

– Вот спасибо, гражданин начальник. Такой штык получится, что все только ахнут.

– Ну, давай, посмотрим, откуда у тебя руки растут.

Михайлов полностью ушел в работу и совершенно не замечал, что происходит вокруг. К нему несколько раз подходили солдаты и контролировали его работу, но он ничего этого не видел. Он был погружен в этот удивительный мир сверкающего металла. Через час он окликнул хозяина штыка:

– Гражданин начальник, принимайте работу.

– Ну, показывай, что там у тебя получилось. Не запарол мне народное достояние?

– Обижаете, гражданин начальник.

Солдат взял штык и провел по ногтю. Кусочек ногтя отлетел, как будто его срезали бритвой.

– Ничего себе. Никогда такого не видел. Как бритвой, режет. Им же сейчас бриться можно. Ну, ты мастер... Золотые руки. Сейчас мы еще разок проверим...

Солдат вытащил из вещмешка банку тушенки и одним движением вскрыл ее.

– Лихо, ничего не скажешь. Держи, это тебе за работу.

– Спасибо, гражданин начальник. Обращайтесь, если нужда будет. Все сделаем.

До лагеря нужно было ехать еще полдня, и за это время Михайлов успел наточить штык-ножи всем солдатам и получил за это несколько банок тушенки. Они с друзьями наелись до отвала первый раз за все время пребывания в лагере и одну банку даже припрятали назавтра.

Жизнь потихоньку налаживалась. Правда, эта банка вышла боком всем друзьям Михайлова. Кто-то сдал блатным, что в бараке есть мясо, и уголовники после устроенного шмона нашли злосчастную банку. После небольшого поучительного урока весь угол, где жили соседи Михайлова, был забрызган кровью. Сломанные ребра и челюсти, руки и ноги, разбитые головы и выбитые зубы... В лазарете избитых намазали зеленкой и отправили обратно в барак.

Через сутки после этого урока в их углу освободились две шконки. Михайлову достались вязаные варежки и не совсем сгнившие портянки. Но авторитет Михайлова начал расти прямо на глазах. К нему теперь занимали очередь, и если днем он затачивал холодное оружие солдатам, то по ночам уже был в полном распоряжении блатных. Солдаты расплачивались тушенкой и кое-какой одежкой. Иногда от них можно было дожидаться и послабления на работе во время рубки деревьев. От блатных же ничего не доставалось, но зато его перестали бить совсем.

Теперь с ним разговаривали бригадиры и авторитеты. Один из воров на спор заставил Михайлова заточить финку до такой степени, что та срезала висевший человеческий волос. После этого он был уже неприкасаемый. На лесоповале он поудобнее устраивался на солнечной полянке и, не торопясь, затачивал очередной нож. Даже солдаты его уже не беспокоили, так как он теперь точил ножи уважаемым людям зоны. Заказы сыпались, как из рога изобилия, и он уже даже мог слегка подкармливать своего друга по шконке.

В бараке было всегда холодно и сыро. Спать можно было, только тесно прижавшись друг к другу. За ночь люди слегка отогревались, но одежда всегда была полувлажной и быстро сгнивала. Зато каждый месяц приходил новый этап, и в лагерь, за счет вновь прибывших, поступала очередная партия более-менее свежей одежды.

Во время сильных дождей Михайлов промочил свои ботинки и теперь вот уже несколько дней тщетно пытался их хоть как-то просушить. На работе это было исключено, поэтому оставался только один вариант – сушить ночью в бараке. На ногах ботинки не сохли, а снимать их – означало очень сильно рисковать. Поэтому Михайлов не спал всю ночь, время от времени переворачивая обувь на сквозняке. Под утро усталость все же взяла свое, и он уснул буквально на несколько минут, но этих минут было достаточно для того, чтобы остаться без ботинок.

Он не почувствовал, как из его рук медленно тянут обувь. Но он услышал скрип досок под ногами удаляющегося человека. Сразу же встрепенувшись, он увидел свои пустые руки и моментально бросился в проход. Но было уже поздно. В проходе никого не было. Кажется, что все спали, но Михайлов знал, что где-то прячется вор с его ботинками. Наверняка, накрылся тряпками и ждет утреннего подъема, а там уже ничего нельзя будет доказать.

Михайлов пошел по проходу и по дороге стал заглядывать в каждый проем, где спали люди. Ни одного движения он не заметил. На середине барака ему пришлось остановиться, так как дальше шли уже шконки блатных. Но выхода не было. Он сделал неуверенный шаг вперед и зашел на запретную территорию. Здесь все было совершенно по-другому: на шконках лежали простыни и одеяла, подушки и подобие матрацев. На тумбочках стояли кружки и какие-то шкаτούлки. Неожиданно резкий голос прервал его поиски:

- Не понял. Ты чего здесь шарисься?
- У меня ботинки украли, – Михайлов пытался еще хоть как-то смягчить ситуацию.
- Братва, смотрите, кто у нас здесь...
- Опаньки... А кто это у нас?
- Ты что, паскуда, крысятничаешь?

Он еще хотел что-то сказать, но его уже не слушали. Блатные окружили Михайлова, и любые его объяснения уже не воспринимались. Удар сзади по голове табуреткой был ожидаемым. Михайлов, на свое счастье, сразу же потерял сознание и, что происходило потом, уже совершенно не помнил. Ему проломили голову и после дальнейшего избиения просто выбросили из барака, где его и нашли солдаты.

В лечебном бараке было ненамного лучше. Врач приходил раз в сутки, и все лечение сводилось к обмазыванию больных зеленкой. В больничке Михайлов провел около трех месяцев. Ему кое-как сложили кости черепа в обычное состояние и отправили обратно в барак. Обувь у него не было по-прежнему, и он еле передвигался короткими переходами от барака в столовую и обратно. Тряпки, намотанные на ноги, совершенно не грели, и если бы не его друг, который отдал ему свои носки и портянки, то вполне могло случиться, что весны бы Михайлов уже не увидел. Кое-как они дотянули до тепла, а там время полетело чуть быстрее.

Заточка ножей приносила не большой, но стабильный доход – кусок хлеба, и друзья жили чуть лучше своих лагерных соседей. Михайлов был уже весь ломаный-переломанный, и толку от калеки на лесоповале не было, поэтому его поставили на постоянные работы внутри лагеря.

Он мыл полы, выносил помои, точил топоры и пилы, выполнял мелкие поручения солдат и начальства. Время шло, и вскоре он уже отпраздновал окончание своей первой пятилетки.

Однажды зимой его вызвал к себе начальник зоны. Это было в первый раз, и Михайлов очень волновался от такого пристального внимания к своей скромной персоне. Он сидел в коридоре и ждал, когда его позовут. В кабинете начальника шло совещание, и дежурный офицер то и дело носил подносы с чаем и печеньем. Михайлов провожал каждый раз его таким взглядом, что, проходя мимо него в очередной раз, адъютант не выдержал и швырнул одну конфету:

– Держи...

– Благодарю, гражданин начальник.

Михайлов сразу же засунул сладость себе в рот, под язык. Неземное блаженство разлилось по его телу. Было тепло и уютно. Сладость проникала во все уголки тела и наполняла жизнь каким-то новым смыслом.

Внезапно дверь распахнулась, и офицеры стали покидать кабинет. От неожиданности Михайлов поперхнулся. Сладкая горячая слюна попала не в то горло, и он закашлялся, совершенно не в состоянии дышать. Кашель душил его, и он задыхался не в силах откашлять попавшую сладкую жидкость из горла. Вокруг него столпились офицеры:

– Что с ним, туберкулез?

– Вроде, другой кашель. Подавился, наверное...

Начальник лагеря выглянул на шум за дверями:

– Ну, если подавился, так дайте ему попить чего-нибудь, а то задохнется сейчас.

Дежурный взял стакан с недопитым чаем и протянул Михайлову:

– пей.

– Благ... граж... нач... – Михайлов не мог выговорить слова из-за судорожного кашля, но чай схватил и жадно выпил. Сразу же стало намного легче.

– Зайдите в кабинет, – произнес начальник и, повернувшись к дежурному, добавил, – и еще чаю нам принесите.

– Слушаюсь...

Михайлов прошел в кабинет и испуганно огляделся. На стенах висели портреты вождей, а стол был покрыт зеленой скатертью.

– Ну, что же вы стоите? Присаживайтесь...

– Благодарю, гражданин начальник.

– Курите?

– Нет, гражданин начальник.

– А я вот курю. Все бросить не могу никак. Столько раз пытался, а все равно, как понервничаешь, так сразу за папиросу и тянешься. Да вы пейте чай-то, а то остынет. И печенье берите, стесняться не нужно.

– Благодарю, гражданин начальник.

– Я посмотрел ваше личное дело, и никак у меня в голове не укладывается. Вы на заводе работали простым грузчиком, и вдруг – японский шпион и диверсант. Как так могло получиться-то? Ну, я понимаю, там директора завода завербовать или главного инженера, а простого-то грузчика зачем? Какой с него толк?

– Да здесь половина зоны или японские, или американские шпионы. Ну, иногда троцкисты еще попадаются, гражданин начальник. Если бы я не признался, что шпиону на Японию, то мне вышку бы впаляли по полной программе. Так что у меня выбор был небольшой: или шпион – и четвертак, или несознанка – и вышка. Я выбрал япошек.

– Ну, понятно... Так, ладно, я вот по какому поводу хотел с вами переговорить. Мне тут по секрету сказали, что вы у нас настоящий мастер по клинкам...

– Нет, гражданин начальник. Это обманывают вас. Я никогда ножи не делал и не умею даже.

– Да я не про это. Сказали, что вы заточить можете любой клинок. Правда это?

– Ну, любой не любой, но могу, если необходимый инструмент будет.

– У меня еще с гражданской войны остался немецкий трофейный нож. Он для меня очень важен. Мне его подарил на память мой командир, который погиб. Понимаете, я очень дорожу этим подарком, и хотелось бы привести его в надлежащий вид.

– Неплохо было бы взглянуть на этот нож, гражданин начальник.

– Сейчас покажу, – начальник открыл ящик стола и вытащил немецкий кинжал.

– Золинген, – сразу же определил Михайлов, еще даже не взяв в руки нож. – Хороший трофей, редкий...

– Да, правильно. А вы, я вижу, действительно, знаток. Что ж, это радует. Так как, возьметесь привести его в порядок?

– Отчего ж не взяться-то? Только время нужно для этого. Металл хрупкий, требует нежного обращения. Немчура не умеет хорошо закаливать сталь, поэтому с ним повозиться придется, но через два дня будет как новенький.

– Ну, вот и отлично. Все, что нужно для работы, вам будет предоставлено. У меня убедительная просьба к вам: будьте повнимательнее к этому ножу.

– Все сделаю в лучшем виде, гражданин начальник. А сейчас можно я еще одну печенку возьму?

– Да, конечно. Забирайте с собой все. Ну, значит, через два дня я жду вас со своим ножом.

Михайлов засунул за пазуху несколько конфет с печеньем и осторожно положил нож. Этот нож сейчас стоил намного дороже, чем его жизнь. Он прекрасно понимал, что если сделает все как нужно, то перед ним откроются просторы невиданной доселе свободы и благополучия внутри лагеря.

Вечером, после отбоя, он осторожно достал клинок и тщательно его осмотрел. На лезвии были небольшие царапины и ржавчина, но это все легко можно было убрать обычным шлифованием, и Михайлов принялся за работу. В бараке все уже давно привыкли, что он работает по ночам, и ему никто не мешал, так как все знали, что он выполняет заказы больших, по меркам лагеря, людей. В первую ночь он убрал с ножа все царапины и выбоинки, а вторая ночь ушла на заточку и полировку клинка. Уже под утро он оглядел свою работу и остался доволен. Зеркальное лезвие и отшлифованная рукоятка – все по высшему разряду. Неожиданно за спиной раздался хриплый голос:

– Ну-ка, дай взглянуть. Чей это такой красавец?

– Хозяина.

– Так ты что, падла, на красноперых начал шестерить уже и по ночам?

Сильный удар сломал Михайлову нос, и он потерял сознание. Когда пришел в себя, то первым делом стал искать вокруг себя нож, но ножа не было. Блатной, судя по всему, забрал его себе. Михайлов вдруг понял всю тяжесть ситуации, в которую попал. Он надеялся, что с помощью этого ножа ему будет намного легче жить в лагере, но получалось, что он сам вырыл себе яму и сам же себя в нее и закопал своими руками. Нужно было что-то срочно предпринимать. Лучше было поссориться с блатными, чем с руководством лагеря. Михайлов уверенно пошел на половину уголовников. Там уже не спали: заваривали чай, неторопливо вели беседы.

– Чего надо? – голос блатного не предвещал ничего хорошего.

– Нож верните. Это хозяина. Если я его не отдам сегодня, то всем будет плохо.

– Ты нас пугать вздумал, что ли, морда политическая?

– А может, ты нас хочешь сдать мусорам?

– Вали отсюда, пока жив. Еще раз появишься здесь, я тебе лично все кишки выпущу.

Михайлов понял, что именно сейчас закончилась его счастливая жизнь. Все, что будет теперь после сегодняшнего утра, – это сплошной нескончаемый кошмар, который он, вряд ли, сможет вытерпеть.

После утреннего построения бригадир сообщил ему, что его ждет хозяин у себя в кабинете. Михайлов, сколько мог, оттягивал свой визит к начальству, но идти все же пришлось. На улице стояли тридцатиградусные морозы, но он не чувствовал холода. Ему было жарко и душно. Он снял шапку и растер голову снегом. Стало немного легче. Ноги еле передвигались, а здание начальства неумолимо приближалось к нему. Как медленно он ни шел, а пришел все равно. Он встал у двери все еще не в силах постучать и стоял так с поднятой рукой больше минуты. Проходящий мимо офицер удивленно остановился рядом с ним:

– Вас вызывали?

– Да, гражданин начальник.

– Ну, так заходите, чего же вы стоите-то?

– Да, гражданин начальник.

Михайлов осторожно постучал и вошел в дверь. Начальник оторвал взгляд от каких-то бумаг и вновь погрузился в свои графики:

– Ну, как там у нас дела?

– Все хорошо, гражданин начальник.

– Сделали?

– Да, гражданин начальник.

– Давайте посмотрим.

– У меня его нет.

Начальник поднял глаза и отложил карандаш:

– Как нет? А где же он?

– Потерял.

– Где потерял?

– Не знаю, гражданин начальник.

Начальник пристально вглядывался в лицо Михайлова:

– А что у вас с лицом?

– Упал, гражданин начальник.

– Ясно. Вы хотя бы понимаете, что вам это просто так не сойдет? Я все равно верну свою вещь, но вы пострадаете более чем серьезно.

– Понимаю, гражданин начальник.

– Ну, вот и поговорили. Дежурный! – Как из-под земли вырос солдат. – Значит, так, месяц карцера, а потом напомните мне, когда срок выйдет у него, я еще добавлю...

– Слушаюсь. А за какое нарушение карцер ему оформить?

– Я что, думать за вас уже должен? Сами определите и доложите о выполнении.

– Слушаюсь.

На улице солдат неожиданно громко произнес:

– Заключение, почему курим в неподобающем месте?

– Я вообще не курю, гражданин начальник.

– Что, значит, не смог вытерпеть и поэтому закурил? Месяц карцера за нарушение режима...

Михайлову даже не дали зайти в барак и предупредить своих друзей о случившемся. Его сразу же повели в отдельное помещение, которое и выполняло роль карцера. Это был бетонный ящик размером десять на десять метров, врытый в землю. На небольших окнах стояли толстые чугунные решетки, а стекла были выбиты уже много лет назад. Карцер не отапливался, и тем-

пература в нем была точно такой же, как и на улице, если не ниже. Света здесь не было изначально, как, впрочем, и остальных благ цивилизации. Летом еще можно было как-то пережить это наказание, а вот зимой из него возвращались уже далеко не все.

Михайлова втокнули в открытую дверь, и он буквально вылетел на середину комнаты. Он мог бы пролететь и дальше, но карцер был забит людьми, и они-то и послужили для него непроизвольным тормозом. Он огляделся. Бетонные стены, пол и потолок не предвещали ничего хорошего. Люди сидели вдоль стен, накрывшись с головами теплыми вещами. Некоторые ходили взад и вперед в тщетных попытках хоть как-то согреться. Судя по всему, месяц обещал быть очень длинным и тяжелым. К Михайлову подошел какой-то человек и негромко спросил:

– Папиросы есть?

– Нет.

– Первый раз здесь?

– Первый.

– Тогда слушай сюда... Кормежку ты уже пропустил. Здесь кормят один раз в день – дают похлебку на обед. Блатных сюда не сажают, только политических, поэтому еду поровну делят на всех. В нужник выводят тоже один раз в день. Если захочешь, то у дальней стены стоят корыта, туда и будешь ходить. Чистят нужник все по очереди. Утром подъем в пять утра, а отбой в одиннадцать. На отбой дается одна минута. За это время нужно успеть выскочить на улицу и схватить хотя бы одну доску. Они лежат вдоль стены карцера. С этой доской нужно забежать назад, бросить на пол и лечь на нее. Если все успеют за одну минуту, то считается, что отбой прошел удачно, и охранники закроют дверь. Если за минуту кто-то не успел, то все повторяется сначала, и так до тех пор, пока все не уложится в установленное время. Поэтому если не хочешь бегать всю ночь, то шевели ногами как можно быстрее. Спать будешь ложиться с краю до тех пор, пока не освободятся места в середине. Но не переживай, места освобождаются каждый день. Кто-то не просыпается утром, а кому-то повезло, и он сумел досидеть до конца срока. Так что, если повезет, отсидишь свою неделю и выйдешь на свежий воздух...

– Меня на месяц посадили...

– На месяц?? Ну, тогда, брат, прости, но ты не жилец. Было бы лето, так еще можно было бы хоть как-то выжить, а зимой шансов нет никаких.

Михайлов отошел от своего слишком уж говорливого соседа и, присев на корточки, накинул телогрейку себе на голову. Так он согревал себя дыханием, и казалось, что становится чуточку теплее. Ужасно хотелось есть. Руки, ноги совершенно окоченели от холода.

Ближе к одиннадцати ночи люди стали заметно оживленнее. Все старались занять место поближе к двери и были готовы к старту. Ровно без одной минуты одиннадцать открылась дверь, и громкий голос скомандовал:

– Карцер – отбой.

Все, кто был в этот момент в карцере, бросились в открытую дверь. Михайлов с большим трудом передвигал отекавшие онемевшие ноги. Он выскочил на улицу одним из последних и успел заметить, что вокруг карцера стоят солдаты, а заключенные вытаскивают из-под снега доски и поленья. Кому посчастливилось стать обладателем драгоценного трофея, бежали теперь обратно. Блилежащие доски были разобраны в одно мгновение, а бежать за дальними уже не хватало времени. Михайлов бросился обратно, а за спиной слышался счет: четыре, три, два, один, отбой...

Михайлов бросился на пол рядом с корытами, в которых был лед из помоев. На этот раз все уложились вовремя, и дверь карцера громко захлопнулась. Теперь люди вставали и, уже



не торопясь, укладывались на ночь. Были счастливчики, которым удалось прихватить помимо доски под себя еще одну, чтобы положить ее под голову. Это считалось немыслимой роскошью, и сегодняшняя ночь для них была не хуже, чем ночь, проведенная в шикарной гостинице. Доски были насквозь промерзшие, покрытые толстым слоем снега и льда, поэтому с них предварительно сбивали ледяной налет. Люди выкладывали из досок деревянный настил и укладывались спать на правый бок, тесно прижавшись друг к другу. Так было немного теплее.

Михайлов остался без доски и не имел права присоединиться к счастливчикам. Он присел, прислонившись к стене, и снова, как и днем, накинул свою телогрейку на голову. Он чувствовал, что ледяная стена высасывает последнее тепло из его тела, но отодвинуться от смертельной стены не было ни сил, ни желания. Ночью он несколько раз слышал, как кто-то давал команду, чтобы все повернулись на другой бок, и все одновременно переворачивались.

– Михайлов! Выходи из карцера. За тобой приехали. Оказывается, тебя неправильно посадили, и сейчас пришел приказ о твоём освобождении. Иди в штаб, там тебя ждет недельный продуктовый паек и теплая одежда. Горячий чай себе сам наливай, сколько хочешь, и хлеба бери вдоволь. Можешь еще взять себе ватное одеяло и укутаться в него. А что ж ты варенье не кладешь в чай? Когда пьешь горячий чай, то не нужно закрывать глаза...

Михайлов держал в руках кружку, полную настоящего горячего чая, и от наслаждения закрыл глаза. Теплота медленно разливалась по всему телу, и он был счастлив, что, наконец-то, все закончилось. Теперь его освободят, и он вернется к своей обычной человеческой жизни...

– Пить горячий чай можно только с открытыми глазами... Не закрывай глаза... Ты слышишь меня? Открывай глаза... Глаза открой...

Он начал приходить в себя из-за того, что кто-то сильно бил его по щекам:

– Открывай глаза. Просыпайся. Постарайся встать. Не засыпай. Двигай руками и ногами. Вот так. Давай еще раз. Хорошо...

Михайлов с трудом открывал глаза и пытался разогнуть заочевшие руки и ноги, которые совершенно его не слушались; он упал на пол. Его подняли и посадили на замерзшее корыто. Наконец, он сумел полностью открыть глаза и удивленно осматривал все вокруг. Он с трудом понимал, где он и что с ним происходит.

– Ну, вроде, очухался. Теперь главное, чтобы до обеда дотянул, а там уж немного легче будет.

Его оставили в покое, и он через час уже начал потихоньку вставать, а затем и прохаживаться вдоль стены. За ночь замерзли двое заключенных, и у него появилась законная возможность спать вместе со всеми, с условием, что он принесет свою доску. Утром все вынесли доски и положили их вдоль карцера. Замерзших людей посадили у стены, и они изображали живых. Зачем это было нужно, Михайлов понял только тогда, когда наступил обед.

Повар выдал по тарелке похлебки каждому сидельцу, а две порции они разделили между собой. Каждому досталось по половине ложки горячей жижи. После обеда, через пару часов, заключенные доложили о погибших соседях. Солдаты вызвали похоронную бригаду, и те вытаскивали мертвых на обычных носилках, в которых носят землю.

После обеда стало немного теплее, и Михайлов начал бродить вдоль стен безостановочно. На туалет давали тоже по одной минуте, и, естественно, никто не успевал даже добежать до нужного места. Поэтому к вечеру корыта уже всегда были полные. Замерзший разноцветный лед издавал жуткий запах, и все старались, по возможности, держаться подальше от отхожего места. День длился бесконечно. Казалось, что он был длиною в целый месяц. Наконец, когда уже стемнело, люди стали потихоньку сбиваться в кучки у двери.

Михайлов вдоль стены осторожно пробрался к выходу и, когда раздалась долгожданная команда, выскочил одним из первых на улицу. Схватив первую попавшуюся доску, он по инерции схватил еще одну и, прижав к груди свое богатство, бросился обратно. Вбежав в помещение, он кинул все на пол и улегся сверху. Он был счастлив, но его счастье длилось не так долго, как он рассчитывал. Один из новеньких не успел вовремя заскочить в карцер, и процедура отбоя повторилась снова. На этот раз Михайлову повезло чуть меньше. Ему досталась только одна доска, да и та была не очень внушительного размера. Тем не менее, сегодня он уже спал в окружении теплых тел на своей доске.

Жизнь дала ему еще один шанс на продолжение существования в этом аду. Но не все было так радужно, как ему предполагалось. Ночью у него сползла тряпка, которой он укрывал голову, и к утру полностью обморозил себе половину лица, которая была повернута к свежему воздуху. В течение дня кожа покрылось коркой, и он не мог даже открыть один глаз. К тому же стала сказываться его первая ночь в карцере. Судя по всему, он застудил почки и спину. Утром его скрутило так, что он смог передвигаться, только согнувшись, как вопросительный знак.

Следующая ночь принесла не меньше страданий, чем предыдущая. Когда уже все улеглись на своих досках и даже приготовились к очередному перевороту с одного бока на другой, раздалась команда на всеобщее построение. Зеков выгоняли на лютый мороз глухой ночью. Весь лагерь стоял на месте построения, и сидящие в карцере не избежали этой участи. Холод был такой, что буквально скрючивал тела плохо одетых людей. И если блатные были еще хоть как-то одеты, то большинство политических были без теплой одежды и уже мысленно прощались со своей никчемной, полной политических собраний жизнью.

Перед построившимися зеками прохаживался хозяин и что-то равномерно рассказывал. Его не было слышно из-за сильного завывания ледяного ветра. На построении присутствовал даже сам смотрящий зоны. Это было неслыханное дело, и все догадывались, что здесь и сейчас решаются серьезные дела между большими людьми. Всеобщее стояние длилось уже около часа, когда, наконец, смотрящий громко крикнул:

– Ладно, начальник, заканчивай свою лекцию, мы все поняли.

Начальник лагеря подошел вплотную к смотрящему и переспросил его:

– Точно, все поняли? Повторять не нужно? А то я могу вам устроить веселую жизнь, обхохочетесь все.

– Да поняли, поняли. Все будет путем.

– Ну, вот и хорошо. Так, всем отбой, чтобы через десять минут никого здесь не видел. Кого увижу – сразу в карцер.

Все бегом бросились выполнять распоряжение хозяина. Пользуясь удобным случаем, Михайлов по дороге прихватил еще одну доску и сегодняшней ночью теперь был в большом авторитете. В следующую ночь неожиданно распахнулась дверь в карцер, и громкий голос прорезал ночную тишину:

– Михайлов, есть такой?

– Есть.

– На выход, живее давай...

Все с сочувствием посмотрели на своего соседа. Ночью из карцера могли вызвать только для одного – застрелить при попытке к бегству.

– Михайлов, быстрее иди сюда, – неожиданно произнес человек у стены.

– Зачем?

– Быстро свяжите ему руки за спиной. Часовой не будет стрелять, если у зека связаны руки.

Пока он объяснял тонкости ночных расстрелов, Михайлову связывали руки за спиной. Он вышел на улицу, и морозный воздух обжег легкие. Михайлов еле передвигал ноги из-за своей больной и скрюченной спины. Руки у него были сзади, и это зрелище было очень комичным, если не считать того, что человека вели убивать. Его повели к небольшому отдельно стоящему зданию. По слухам, там жил смотрящий зоны, который и руководил всеми криминальными движениями в лагере. Михайлов прошел мимо дома и направился к забору, через который должны были перекинуть его тело, чтобы полностью подтвердить версию побега.

– Эй, Михайлов. Если еще метр сделаешь в сторону забора, я тебя точно шлепну прямо здесь. Иди в дом, там тебя ждут...

Михайлов заковылял в странный дом. Едва дошел до двери, как его буквально втокнули внутрь. Он огляделся. Настоящая кровать с пружинами. Занавески на окнах. Большой самовар на столе. Баранки, варенье и сахар. Похоже, что слухи были верными, – здесь мог жить только смотрящий зоны. За столом сидели несколько человек и совершенно не обращали на Михайлова никакого внимания. Сзади него стояли еще двое и внимательно следили за пришедшим. Наконец, один из сидящих за столом повернул свою голову в сторону Михайлова:

– Вот скажи-ка мне, фраер, куда ты перо хозяина заховал?

– Потерял.

– Потерял, значит. Ну, если потерял, тогда скажи, где ты был в тот день, и вся зона на карачках искать будет, пока не найдет.

– Я не знаю, где потерял.

– А мне сдается, что ты пургу гонишь, а я этого не люблю. На этой зоне ничего не может потеряться просто так, без моего ведома. Короче, или ты говоришь нам, где это перо, или сейчас по одному твоему корешу будем пускать на забор под стволы. За ночь человек двадцать успеем кончить. А тебя будем с утра звать Машкой.

– Я понял.

– Ну, и какой будет твой положительный ответ?

– Блатные забрали, то есть, ваши забрали.

– Ну, вот это уже разговор. Кто именно?

– Вор с нашего барака, авторитет...

Говоривший быстро взглянул на одного из своих людей, и тот мигом исчез в дверях. Через несколько минут в комнате стояли пять авторитетов из барака Михайлова. А смотрящий продолжал:

– Кто отжал перо у этого фраера?

– Я отжал...

– Ты знал, что это перо хозяина?

– Ну, фраер что-то лепил насчет этого, но кто его слушать-то будет? Он же фраер.

– Так, ладно, это уже наши терки пошли. Фраера отправляйте обратно на кичу, а мы на сходянке будем решать вопросы. Придется тебе перед братвой держать ответ за вчерашнее всеобщее ночное закаливание...

Михайлова выгнали из комнаты, и он медленно побрел в карцер. Сопровождавшего солдата рядом не было, и он очень опасался, что его могут принять за беглеца. Солдат, охранявший карцер, несколько не был удивлен появлением Михайлова. Он открыл дверь и впустил его внутрь. В карцер Михайлов зашел с целой охапкой досок. Охраннику было скучно стоять у дверей, и он благосклонно разрешил взять досок столько, сколько Михайлов сможет унести.

Утром по лагерю было объявлено, что во время ночного побега был застрелен один из заключенных. По счастливой случайности, этим застреленным беглецом оказался блатной, обладатель немецкого ножа. И данный артефакт вернулся к своему законному хозяину.

Через несколько суток у Михайлова отвалилось ухо, отмороженное несколько дней назад, не сразу целиком, а постепенно и какими-то рваными кусками. И теперь в карцере его называли не иначе как Пьером Безухим.

Иногда арестованных из карцера выводили на работы по уборке территории от снега. Им выдавали лопаты, носилки и ломы. Так как варежек ни у кого не было, то руки обматывали какими-то тряпками, чтобы хоть как-то защитить их от мороза. Руки примерзали к ломам даже сквозь эти гниющие тряпки, и уже буквально через две-три минуты немели до плеч, приходилось размахивать ими, как плетью, чтобы хоть как-то вернуть чувствительность.

Но умелые руки Михайлова сыграли свою положительную роль в его существовании (жизнью это назвать было трудно). Он наточил штык охраннику карцера, и за это теперь ему разрешалось брать досок для ночлега столько, сколько было нужно. Теперь ночью пол был выстлан в два слоя досок. Помимо этого, им разрешили ходить в туалет, и воздух в карцере постепенно очистился от смрадных зловоний. Каждую ночь Михайлов точил ножи охранникам, и те, в свою очередь, делали небольшие поблажки, которые многим сидельцам сохранили жизнь.

Когда подошел срок выхода из карцера, арестанты с глубоким чувством горечи проводжали своего спасителя. Теперь их жизнь снова возвращалась в обычный карцеровский кошмар. Михайлов отсидел свои тридцать дней и вернулся в барак. Спина у него так и не прошла, и все последующие годы он провел именно в таком согнутом состоянии. Так с маленькими радостями и большими огорчениями прошла еще одна пятилетка из его четверти века.

В тридцать седьмом году в лагерь стали прибывать большей частью политические заключенные, и криминальный мир начал потихоньку сдавать свои позиции. Теперь уже заключенных было, примерно, пятьдесят на пятьдесят, и жизнь политических зеков хоть ненамного, но все-таки стала спокойнее. Прекратились бесконечные издевательства и избиения по ночам. Убийства случались теперь гораздо реже, и для каждого уже должен был быть обязательный повод. Из армии приходили боевые командиры, которые просто так не давали себя в обиду. Массовые драки в бараках частенько приводили к плачевным результатам для уголовников. За одного боевого офицера им приходилось расплачиваться тремя, а иногда и большим количеством своих людей. Поэтому уголовники лишний раз уже старались не беспредельничать. Но тем не менее зона по-прежнему принадлежала блатным. Они диктовали свои законы, и жизнь в лагере подчинялась строгим правилам их криминального мира.

Зимой тридцать седьмого года в лагере произошли события, которые надолго запомнились всем заключенным. На внеочередном построении всего лагеря начальник, важно прохаживаясь перед выстроенными зеками, объяснял причину своего столь радостного настроения:

– Граждане заключенные. Страна восстанавливается после трудных лет. Непокойно на наших границах. Буржуазные элементы спят и видят, как бы уничтожить завоевания пролетариата. Рабочие на заводах выпускают продукцию, чтобы поднять экономику страны. Крестьяне день и ночь работают на полях, чтобы накормить страну. Все силы направлены на перевооружение нашей славной Красной Армии. И в это тяжелое для страны время народ и партия нашли силы и средства, чтобы обеспечить вас теплым обмундированием. Сегодня каждый из вас получит комплект зимней одежды. Вы должны своим ударным трудом доказать стране, что готовы искупить свою вину. И зимняя одежда – это аванс. Страна верит, что вы оступились и осознаете всю тяжесть совершенных преступлений, что своим ударным трудом искупите свою вину, – он говорил долго и увлеченно, но его уже не слушали. Никто не мог поверить, что теперь у всех будет одежда, да еще и теплая. О том, что она новая, вообще, было из области

фантастики. Наконец, начальник решил, что уже достаточно произвел впечатления на своих подопечных, и объявил:

– Бригадиры, обеспечьте выдачу комплектов одежды осужденным...

Новенькие фуфайки и ватные штаны, валенки и шапки с варежками... – все это было связано в большие тюки и хранилось на складе под усиленной охраной. Выдача обмундирования проходила до поздней ночи. Счастливые обладатели новой одежды пришивали свои белые номера, и впервые за много лет начали согреваться насквозь промороженные тела.

В углу Михайлова решили не спать первую ночь, так как все опасались, что утром могут остаться без новых вещей. Распределили ночное дежурство и по очереди охраняли свои сокровища. Валенки клали под голову, и это была подушка, которая намного превосходила по удобству своих пуховых собратьев.

Михайлова на зоне все считали стариком. Действительно, он выглядел очень старо: худой и сильно сторбленный, с шаркающими, еле передвигающимися ногами, беззубый, с огромными шрамами через все лицо. Глубокие морщины были какого-то черного цвета, а хриплый голос и постоянный кашель наводил на мысль, что этому человеку было уже около восьмидесяти лет. Ходили слухи, что он сидит здесь еще с революции и знает про эту зону все. Знакомств он по-прежнему не заводил, а его единственный друг был таким же нелюдимым, как и он. Они, как всегда, спали вместе, тесно прижавшись друг к другу, делились временами случайно добытым куском хлеба. Их непонятная дружба длилась уже больше десяти лет, и за это время они даже не выяснили, как кого зовут и кто откуда родом.

В их углу время от времени появлялись новые люди, которые замещали умерших. Как-то появился даже бывший зубной врач. Первое время он вел себя совершенно отстраненно от всего, но с годами немного пришел в себя и даже развернул некую подпольную деятельность по своему родному зубному делу. А началось все с того, что Михайлов как-то поделился с ним краюшкой хлеба, которую получил за очередной нож, и стоматолог в знак глубочайшей признательности пообещал сделать своему благодетелю шикарные рандолевые зубы. В тот момент это прозвучало как приятная шутка, но стоматолог настаивал на своем и через какое-то время сдержал свое слово.

Сначала на зоне стали появляться рандолевые фиксы у солдат. Затем, когда стоматолог немного приподнялся в авторитете, к нему уже стали приходить и блатные. Затем очередь дошла и до Михайлова. У него оставалось несколько коренных зубов – и вот на них-то стоматолог и решил поставить зубные мосты. Поздним вечером он усадил Михайлова на шконку и строго-настрого запретил стонать, кричать и дергаться. Тому было не привыкать, и он открыл рот. Из инструментов у стоматолога был только обломок напильника и маленький натфиль, который был его гордостью (инструмент привезли по специальному заказу, и за него он поставил пять зубных коронок, по-зековски, – фикс). То, что пришлось испытать Михайлову, трудно описать простыми словами. Ему казалось, что напильник проник в его мозг. Зубы точились плохо, и Михайлов несколько раз терял сознание от невыносимой боли. Он не помнил, сколько прошло времени. Ему казалось, что этот Ад длится бесконечно и никогда не закончится. Наконец, стоматолог произнес:

– Ну, вот мы и закончили...

Михайлов без сил откинулся на своей шконке. В голове стояли звон и скрежет напильника. А стоматолог продолжал:

– Теперь все обрабатываем натфилем, и можно будет уже приступать к основной работе.

От одной только мысли, что сейчас все повторится, Михайлову стало не по себе. Он попросил стоматолога передохнуть пару минут и глубоко дышал, пока тот раскладывал свои нехитрые приспособления. Вскоре началась вторая часть Марлезонского балета. Это было

намного хуже, чем в первый раз. Михайлов не стонал, но внутри его тела стоял такой дикий крик, что можно было оглохнуть. Чтобы хоть как-то снять эту нечеловеческую боль, он сильно прижался своими неправильно сросшимися после переломов ребрами к спинке шконки. Дикая боль на некоторое время перебила зубную, и он несколько секунд отдыхал. Затем, когда вернулась зубная боль, он повторил свой маневр. Закончилось все тем, что зубная боль соединилась с реберной, и он потерял сознание. А «дантист», казалось, только этого и ждал. Теперь он, уже не особо стесняясь, стачивал зубы напильником, и пациент ему нисколько не мешал. Когда все закончилось, он привел в сознание Михайлова и обрадовал его, что на сегодня он ему больше не нужен.

Через неделю Михайлов уже ходил по лагерю с золотыми (рандолевыми) зубами. Впервые за много лет он сумел прожевать кашу и хлеб. До этого ему приходилось замачивать хлеб в воде и только потом уже есть получившуюся кашу. Конец третьей своей пятилетки он встретил уже с новыми зубами.

Войну в лагере встретили неоднозначно. Если блатные только посмеивались и ехидно сплевывали, когда до лагеря доходили скудные слухи о потерях Красной Армии, то политические ловили каждое слово и надолго замыкались в себе. Питание с началом войны было урезано, а план по заготовке леса был поднят до небывалых высот. И если раньше блатные ни под каким предлогом не выходили на работы, то теперь время от времени авторитеты выгоняли целые бригады уголовников в леса, и те на общих условиях валили лес и давали норму. По условиям военного времени, за невыполнение плана полагался расстрел, и тут уже не разбирали, кто не дал план – политические или блатные. Поэтому обычно в конце месяца количество рабочих увеличивалось на пару бригад из уголовников.

В сорок первом году в лагерь прибыл командир одной из воинских частей. Рядом с ним всегда находилась рота автоматчиков, и поэтому все сразу решили, что он большой начальник. Сначала он встретился со смотрящим лагеря и с ним решил вопрос о добровольцах на фронт. Смотрящий пообещал выделить людей, и вопрос был решен положительно. По случаю приезда большого командира работы были отменены, и все осужденные были построены в ровные ряды перед зданием администрации. Большой начальник вышел вперед и начал свою речь с обычных в то время слов:

– Граждане заключенные. В то время, когда наша многострадальная Родина истекает кровью в боях с фашистской сволочью, в то время, когда весь народ, как один, встал на защиту завоеваний великой Революции и, не щадя живота своего, трудится на заводах и фабриках, каждый советский гражданин считает своим священным долгом встать с оружием в руках против немецких оккупантов. Я предлагаю вам пополнить ряды доблестной Красной Армии и доказать, что в вас еще осталось чувство долга перед нашей великой Родиной. Вы можете смыть с себя клеймо позора и помочь своей стране. Желающим выйти из строя...

Почти половина заключенных сделала шаг вперед. Командир подошел и внимательно осмотрел каждого:

– Политические? Ну, что ж, с вами гораздо лучше воевать. Вы хотя бы знаете, что такое дисциплина. А смотрящий ваш, значит, решил, что он самый хитрый? Блатных решил не посылать кровь проливать? Ну, так мы это сейчас быстро исправим...

Он вызвал к себе сержанта-автоматчика и дал ему указание:

– Вон в том доме живет блатной, приведите его сюда, даже если он сейчас на параше сидит – все равно тащите. А не захочет идти – пристрелите...

Через пару минут смотрящий уже стоял в строю вместе со всеми.

– Ты что же, урка, думаешь, что можешь безнаказанно шутить над командиром Красной Армии? Ну, что ж, я шутки люблю. Давай посмеемся вместе, теперь шутить буду я, – он повернулся к сержанту. – Выведите из строя десять блатных.

– По списку?

– Нет, первых, кого увидите.

Через минуту перед строем стояли десять уголовников. Они держали руки в карманах, и некоторые курили папиросы. Командир улыбнулся и медленно подошел к ним.

– Значит, воевать не хотим. Лучше здесь отсидимся? А вот не получится, братва, отсидеться-то.

Командир неторопливо расстегнул кобур и достал свой табельный ТТ. Так же медленно дослал патрон в патронник и приложил пистолет к голове рядом стоящего зека. Тот усмехнулся и сплюнул под ноги офицеру:

– Прав таких не имеешь, гражданин начальник.

– Имею. Именем моей многострадальной Родины и Советской Власти...

Звук выстрела расколол мертвую тишину, которая наступила сразу же, как только в руках командира появился пистолет. Тело упало к начищенным до блеска сапогам офицера. Он перешагнул через убитого и приставил пистолет к следующей голове.

– Подожди, гражданин начальник, не стреляй.

– На фронт захотел, что ли?

– Нет, я хотел...

Выстрел прозвучал снова неожиданно, и теперь на земле лежали уже два тела.

– Начальник, не стреляй. Я пойду на фронт...

– А зачем ты мне такой нужен на фронте? Ты свое мнение меняешь в день по несколько раз. Как я с тобой в бой пойду? А вдруг ты опять передумаешь?

Очередной выстрел уложил третьего зека. Оставшиеся присели и испуганно озирались по сторонам. Они взглядами искали своего смотрящего:

– Пахан, что за дела?

Но смотрящий молчал. Он понимал, что офицер запросто пустит и ему пулю в лоб, если посчитает нужным. Эти фронтовые офицеры, вообще, не поддавались никакому логическому осмыслению. За свою Родину они, не задумываясь, отдают свои жизни, а уж пристрелить ради нее какого-то зека – это, вообще, плевое дело. А командир уже стоял у следующего. Тот молчал и принял свою смерть, сильно сжав зубы и закрыв глаза. Пятый зек упал на землю и стал колотить по ней руками в истерике. Офицер приставил пистолет к его голове, и после выстрела тот затих.

– Остальных поставьте к забору и заканчивайте с ними. Все добровольцы, выходим к воротам. Там стоят грузовики. Грузимся и выдвигаемся на станцию.

В это время автоматчики тащили упиравшихся зеков к забору. Когда всех расставили, солдаты, не очень-то заморачиваясь, дали по несколько очередей. Затем к убитым подошел старший и произвел контрольные выстрелы.

– По машинам...

Из здания администрации солдаты выносили личные дела добровольцев, усаживающихся в грузовики. В лагере стало меньше на сто человек. Офицер отобрал из добровольцев только бывших военных и остался очень доволен их строевой выправкой. Остальных вновь построили и отправили на работы. Теперь нужно было выполнять план и за отбывших на фронт. Расстрелянные блатные еще несколько дней лежали вдоль забора, затем их увезли на кладбище и закопали. В лагере несколько дней была некая суэта, а потом все вошло в свое обычное русло.

За добровольцами приезжали несколько раз в месяц, и теперь их всегда делили поровну. Половина была из политических, а другая половина состояла из блатных. Этапы привозили в лагерь новых заключенных с завидной регулярностью, и меньше людей не становилось. По меркам лагеря, Михайлов считался здесь долгожителем, так как по состоянию здоровья его никуда не брали, а контингент зоны менялся постоянно. Его друг также был все время рядом. На лесоповале ему придавило руку, и теперь он был в числе инвалидов.

А в лагере постепенно наступил голод. Продовольствие в основном отправлялось на фронт, а зоны обеспечивались в последнюю очередь. Заточка ножей и рандолевые зубы уже не приносили достаточного количества еды, а в столовой за обедом давали больше воды, чем продуктов. Порции хлеба урезали каждый месяц, и люди от голода и холода не просыпались по утрам теперь гораздо чаще. Михайлов очень страдал от нехватки еды, но все равно время от времени отдавал свою порцию хлеба другу. Тот очень сильно ослаб в последнее время и едва передвигал ноги.

План по древесине не выполнялся. На лесоповале уже работали и блатные. Но люди были настолько истощены, что выполнить поставленные задачи уже не представлялось возможным. Начальство ругалось, материлось, обещало всех расстрелять, но никто уже не боялся. Иногда казалось, что смерть – это и есть избавление от Ада. Солдаты на вышках страдали не меньше.

Постепенно в ход пошли собаки. Сначала ночью исчезла одна. Начальник сделал вид, что ничего не заметил, и через пару месяцев в лагере не осталось ни одной сторожевой собаки. В лесу рубили еловые ветки и заваривали их в кипящей воде. Эту горячую воду можно было пить всем без исключения и в любом количестве, но, кроме согревания на несколько минут, она ничего не приносила.

В это тяжелое для всех время в лагерь прибыла группа особых заключенных. Это были беспредельщики с соседней зоны. Там заключенные устроили голодный бунт, и начальство зоны заключило договор с местным смотрящим, чтобы тот успокоил людей любым способом. Блатным развязали руки, и они принялись наводить порядок своими способами. Людей резали, забивали насмерть. За это им давали пайки погибших. Но заключенные все равно отказывались выходить на работы.

Пришлось вызывать роту НКВД. Те только что вернулись с фронта для переформирования. Им не нужно было объяснять дважды. Они заехали на территорию лагеря, вытащили пулеметы и установили их на плацу. Туда же согнали заключенных и без долгих разговоров всех расстреляли. Само собой, беспредельщики в общий список расстрелянных не вошли. Зону закрыли, а уголовных отмороzków перевели в лагерь, где отсиживал свой срок Михайлов.

Прибывшие очень скоро перессорились со своими блатными братьями и теперь держались отдельной агрессивной группой. Всем было понятно, что на зоне должны были произойти какие-то изменения. Кто одержит верх в этой борьбе, было неясно. С одной стороны, был смотрящий со своими людьми, а с другой – сплоченный коллектив бандитских авторитетов-беспредельщиков. Благодаря своему натиску, их группа питалась намного лучше, чем все остальные. Они запросто отбирали продукты у ослабленных людей, и порядка на зоне теперь не было. Все кадровые военные из лагеря ушли добровольцами на фронт, и сейчас у политических не было той мощи, которая раньше помогала сдерживать уголовный беспредел в лагере.

Однажды очередь дошла и до друзей Михайлова. В столовой у них отобрали весь мизерный паек хлеба, который выдавался на целый день, а это означало, что, возможно, завтра уже их станет меньше. Друг Михайлова попытался отбить часть хлеба, но уголовники набросились на него и стали забивать ногами. Тот пытался закрывать голову руками, но урки просто озве-



рели. Они ничего не видели, кроме жертвы, которая лежала у них в ногах и мешала им сытно провести день.

Михайлов понял, что если сейчас не вмешаться, то, скорее всего, того просто убьют. Он вытащил из валенка один из своих заказанных ножей и со всей силы вонзил его в ногу ближайшего блатного. Тот громко вскрикнул и отскочил в сторону. Михайлов умудрился порезать еще одного зека, и теперь все внимание было переключено на него. Уголовники окружали его и зловеще ухмылялись:

– Ну, паскуда, прощайся с жизнью. Не посмотрю, что старик, – все кишки выпущу и заставлю все это сожрать.

Всем было понятно, чем это должно было закончиться, но раздался сигнал к построению на работы, и беспредельщики медленно потянулись к выходу:

– Сегодня вечером решим нашу терку. Лучше сразу вешайтесь, до утра вы не дотянете, гниды паршивые.

Михайлов смотрел на свои окровавленные руки и думал о том, что он наделал. То, что теперь до утра они не доживут, ему было ясно, но, с другой стороны, его друг был жив, и у них оставался впереди еще целый вечер жизни. Хлеб у них все равно забрали, и получалось, что их жертва была напрасной. Когда он сидел в карцере, то время тянулось, как резиновое, и каждая минута казалась вечностью, а теперь время стремительно летело, и ничего нельзя было изменить. «Вот ведь как устроено в жизни, – думал он. – Нет, чтобы все наоборот, как было бы здорово». Он помог подняться на ноги своему другу, и, шатаясь, они направились на построение. Когда они шли к своим местам, то весь путь их провожали злые взгляды блатных. Казалось, что весь мир ополчился против них, и шансов на дальнейшую жизнь у них не оставалось.

– Я сегодня вечером на забор пойду, – внезапно произнес друг. Михайлов вздрогнул от неожиданности. За столько лет их совместного существования он первый раз услышал от него такую длинную фразу.

– Нет. Забор – это быстрая смерть. Это всегда успеется. У меня есть план, и, если он сработает, то мы с тобой еще поживем.

– Что требуется от меня?

– Не ходить на забор и делать все, что я скажу. Терять нам все равно нечего.

Отряды расходились на работы, и, проходя мимо Михайлова, некоторые зеки угрожающе подмигивали ему:

– Ты не забыл, у нас встреча вечером? Ты там подготовься уж получше и дружка своего не забудь взять, чтобы не бегать потом по всему барaku за ним...

Михайлов молчал. Он по привычке смотрел в землю. Его скрюченное тело, казалось, еще сильнее наклонилось к земле, и, если бы не маленькая палочка, которая его поддерживала, то, скорее всего, он не смог бы не только ходить, но и стоять.

– Ты это, когда пойдешь к ним, то дай мне свою телогрейку. Тебе-то она больше не понадобится, а мне в самый раз будет, – услышал он у себя над здоровым ухом.

– А мне – валенки, ты же в портянках сумеешь дойти до них. Там быстро все произойдет, ты даже не успеешь замерзнуть. А хочешь, я тебе свои носки дам, чтобы не босиком идти?

– У тебя же еще рубашка была, вроде? Если кто спросит, то скажи, что уже обещал мне отдать...

Рядом стоявшие зеки делили одежду Михайлова, как будто он уже был мертв. В течение минуты они все распределили. Это было настолько обычным, что ни у кого и мысли не возникло, как дико это все звучало со стороны.

Михайлов ничего не ответил. Он направился на свое привычное рабочее место и принялся точить топоры. Со стороны было хорошо заметно, как он нервничает. Он все время

оглядывался и прислушивался ко всем звукам, которые доносились с улицы. Несколько раз он тихонько подкрадывался к двери и смотрел сквозь щели, нет ли там кого-нибудь.

Вскоре стемнело. За окном завывал ветер и гнал снежные облака. Казалось, что все вымерло; никого не было видно, кроме солдат на вышках. Когда совсем уже стало темно, фонари на столбах стали освещать только контрольно-следовую полосу между защитными заборами. И эти небольшие участки в лагере казались лишь маленькими крупичками чего-то светлого в огромной, совершенно черной тайге.

Вдруг снежная тишина, темнота и безлюдье нарушились сильным пучком света. Михайлов сквозь щель в двери заметил, как засуетились солдаты на въезде в лагерь. Забегало начальство, и слышались резкие команды.

«Ну, тем лучше», – подумал про себя Михайлов. Он вытащил из-под тяжелой половицы небольшой остро отточенный топорик и осторожно вложил его себе в рукав, несколько раз взмахнул рукой и остался чем-то очень доволен. Судя по шуму за дверью, приехала машина и, вероятно, какое-то начальство. Солдаты по-прежнему бегали по всему лагерю, и везде слышалось, как они перекрикиваются.

Михайлов осторожно вышел на улицу и осмотрелся. Из леса отряды еще не возвратились, и он направился в сторону своего барака. Его друг был уже там. Он сидел на шконке, обхватив голову руками, и раскачивался из стороны в сторону. Михайлов сел рядом и тихо произнес:

– Ладно, не переживай, все будет хорошо. Не зря же мы столько лет здесь мучились?

– Ты, действительно, придумал какой-то план или просто так сказал, чтобы успокоить меня?

Михайлов молчал. Был ли у него план, он и сам не знал. Просто нужно было что-то сказать в тот момент, вот он и сказал. Они сидели вместе на одной шконке и молчали. Неожиданно резко распахнулась дверь в барак:

– Михайлов здесь?

– Здесь.

– Ты где лазаешь, старый хрен? Мы тебя по всему лагерю ищем. Быстрее иди, там какое-то начальство приехало по твою душу.

– Какое еще начальство?

– Ну, а я почему знаю? Сказали срочно найти и доставить.

– Иду...

– Да не иду, а бегом, твою мать... идет он...

Михайлов повернулся к другу:

– Сиди пока здесь и без меня даже не думай выходить из барака. Если я не вернусь до прихода беспределщиков, то постарайся спрятаться куда-нибудь, но, главное, обязательно дождись меня.

– Хорошо. Только это, ты быстрее там...

– Я постараюсь...

Михайлов старался идти как можно быстрее, но со стороны могло показаться, что он еле передвигает ноги. За эти годы он очень сильно ослаб, да и бесчисленные переломы и болезни постоянно напоминали о себе. Дойдя до знакомого здания, он оглянулся по сторонам. В лагере было тихо. У ворот стояла легковая машина и какие-то грузовики, около них дежурили автоматчики, а в основном все было, как обычно. Он с трудом поднялся на второй этаж и по длинному коридору дошел до знакомой двери. Михайлов постучал в дверь начальника лагеря и услышал:

– Войдите.

– Гражданин начальник, осужденный Михайлов, пятьдесят восьмая статья, двадцать пять... – он неожиданно замолчал и вдруг произнес:

– Блок, это же я...

Человек за столом в форме старшего офицера НКВД некоторое время внимательно рассматривал Михайлова и вдруг сделал большие глаза и удивленно привстал из-за стола:

– РоМ?? Ты?? Как ты здесь? Я ничего не знал... Если бы я знал, я бы никогда... РоМ...

– Я знаю. Именно поэтому и решили тебя не посвящать в начальную стадию задания, — голос у РоМа предательски дрогнул. – Блок, что вы так долго?

И, отвернувшись от друга, спрятал наворачнувшиеся на глаза слезы, но быстро взял себя в руки и уже обычным голосом добавил:

– А я вас еще только через восемь лет ждал...

Семнадцать лет назад...

## Часть II

– Где хил, вашу мать? Полдня пати собирали на вар, и кикнули с фулки в последний момент...

– У меня МП на нуле, сливайте ЕЕшку, она мне все выжгла, а сейчас я даже ребаф сделать не смогу...

– Пипец, а кто на бише? Танка отхильте, а то ляжем все и клару киньте...

– Мобов сагри на себя и утащи паровоз в соседнюю комнату – я тебя ресну потом...

– Я в руте, и сало висит...

– Некр, не спи, доставай шубу. Зачем флагаетесь-то? Кританет кто-нить и все, ПК. Сейчас еще вары прилетят на спот и сольют всех, мы же на селфах...

– Дроп подбирайте сразу. Гнумка, ты уже запарила спойлить здесь.

– Автолут не врубил, орк? Тыха все соберет сейчас... И сосок побольше возьмите...

– Чуть не забыл манор сдать...

– А я сегодня Ы пуху выбил с РБ. Попробую точнуть на шестнадцать, если не сфейлится...

Тинки заглянула в комнату РоМа. Он сидел в полной темноте за огромным плазменным монитором и что-то усиленно печатал на клавиатуре. В комнате стоял невообразимый шум и гам. Какие-то люди кричали, ругались, отдавали команды. На все это накладывалась громкая тяжелая музыка и жуткие звуки умирающих монстров.

– Это на каком языке они говорят?

– На линейном...

– И ты понимаешь что-нибудь?

– Конечно, все же понятно.

– Ясно, ты идешь ужинать?

– Да, сейчас уже иду. Мы на эпик РБ собрались, сейчас зафармим и спущусь.

– Сейчас иду... Ты это нам сказал еще утром на завтрак. А сейчас уже вечер, и на ужин нужно идти, а ты все никак не дойдешь до стола.

– Да иду, сказал же. Помоги лучше.

– Что нужно?

– Когда я скажу, то сразу жми кнопку Ф1. Там у меня питьки на цп.

– Ты уже сам, как питька на цп стал со своей линейкой.

– Тебе трудно, что ли, пару раз нажать?

БлокАДА сидел на большой открытой веранде за накрытым столом и смотрел на вечерний закат. С моря дул еле заметный теплый ветерок и доносил легкий запах водорослей и цветущих деревьев. В саду пели какие-то ночные птицы и стрекотали сверчки. Италия постепенно погружалась в ночь. Наконец, Блок открыл глаза и посмотрел на часы. Прошло уже больше получаса, как он послал за РоМом Тинки, затем Лау и Свита. Уже хотелось есть, а о возвращении команды за стол, судя по всему, не могло быть и речи.

«Ну, ладно. Я вам устрою компьютерные игры!» – подумал про себя Блок и зажег свечи на столе. Он встал, сладко потянулся и направился к электрическому щитку в подвале. По дороге он захватил с собой фонарик и, дойдя до заветного шкафчика, ни секунды не колеблясь, отключил общий рубильник. До него тут же донесся разочарованный крик компьютерных маньяков:

– Да что такое? Каждый раз одно и то же. Ну, как только зайдем к РБ, обязательно свет вырубается. Меня так скоро с клана уже кикнут. Теперь только утром, наверное, включают, – РоМ был вне себя от ярости. – Теперь, точно, придется ужинать идти. Прямо, зла не хватает с этими электриками. Я же на прошлой неделе приглашал. Пришли, посмотрели, поменяли какой-то проводок, взяли за это двести евро и ушли с чистой совестью, а люди тут мучаются из-за них. Ну, не хотят работать...

– Ладно, хватит тут уже кричать, пойдемте ужинать...

Когда вся четверка спустилась на веранду, Блок уже сидел на своем привычном месте. Всех можно было собрать только таким хитрым способом. РоМ подсел на компьютерную игрушку и постепенно посадил на нее всю команду. И если остальных еще можно было хоть как-то контролировать, то его от компьютера можно было оттащить, только устроив «веерное» отключение света. Зато теперь все были в сборе, и можно было приятно провести время в легкой прохладе за чудесным ужином.

Команда находилась здесь уже два месяца и, судя по всему, могла еще столько же прожить на шикарной вилле без зазрения совести. Итальянские повара не переставали удивлять их своими кулинарными изысками, и каждый прием пищи был настоящим маленьким праздником. В течение дня отдыхающие принимали сеансы массажа, солнечные и морские ванны. Беззаботная райская жизнь медленно текла и постепенно засасывала все глубже и глубже.

Однажды за очередным ужином БлокАДА неожиданно для всех встал и торжественно произнес:

– Товарищи офицеры, попрошу внимания.

Все замерли от неожиданности, а он с невозмутимым видом продолжал:

– Лау, теперь расскажи всем то, что сегодня сказала мне утром...

– Опять наша азиатка натворила что-то? И что она на этот раз отчебучила?

– А что она может отчебучить-то? Наверняка, опять пол поменяла, и кто она у нас теперь, интересно, на этот раз?

РоМ остался доволен своей шуткой и поднял руку вверх. Все по очереди хлопнули по ней, и смех еще какое-то время звучал за столом. Лау же шлепнула РоМа по голове и парировала его фразу:

– Ну, очень смешно, обхохочешься, прямо. Вообще ничего рассказывать не буду тогда. Не хотите слушать, ну, и не надо.

Наконец, вдоволь насмеявшись, все успокоились, и Лау смогла продолжить:

– Вы помните тот фарфоровый сервис, который нам дал Отец перед отправкой?

– Да, был какой-то чемодан с посудой. Но его, вроде бы, Блок впарил кому-то на рынке или еще где-то.

– Совершенно верно. Его продали за двести римских миллионов. Затем на все заработанные клубом деньги мы приобрели золотые изделия и отдали все это нашим людям в новый город.

– Было такое. РоМ еще ездил и скупал по всем рынкам золото – тратил все деньги.

– Так вот. Пока вы там лазали по горам в поисках Римского Орла, я оставалась на вилле и, по вашему мнению, развлекалась там, а на самом деле, я работала, как пчелка, без выходных и перерывов. На наши двести миллионов я скупала золотые ювелирные украшения и всякие там мраморные статуэтки, посуду и оружие. Одним словом, в нескольких часах езды от виллы, где мы сейчас находимся, лежат двадцать ящиков с антикварными ценностями стоимостью,

по самым скромным подсчетам, больше чем на миллиард евро. Поэтому, если у вас есть желание, мы можем отправиться туда и забрать наше небольшое вознаграждение.

– Подожди. Ты хочешь сказать, что мы – миллиардеры??

– Ну, если не раскидывать на всех, то да. Мы – миллиардеры.

– А почему раньше молчала?

– Сегодня только мне привезли подробную карту местности. И, все тщательно проверив, я обнаружила, что на месте одного нашего схрона до сих пор находятся поля, по которым бродят чистенькие белоснежные овечки. Если бы наши сокровища нашли до нас, то не было бы смысла, вообще, рассказывать всю эту историю. Между прочим, статуя Венеры Милосской, еще с руками, тоже была в одном из наших схронов, но это место нашли крестьяне и растащили все. А одно наше захоронение все-таки дошло до наших дней и сейчас преспокойненько лежит на глубине десяти метров в укромном местечке.

Все молчали. Лау рассчитывала совершенно на другую реакцию. Сколько раз она представляла себе, как расскажет все, и команда будет верещать от радости. Наступившая тишина несколько встревожила ее:

– Вы считаете, что я неправильно сделала?

– Да нет, все нормально. Просто непривычно ощущать себя миллиардером.

– Привыкните, все будет нормально, тем более что нам еще нужно будет извлечь и перевезти ящики незаметно для властей и местных жителей. Будем разрабатывать специальную операцию. Тут ошибок допускать нельзя. Все нужно сделать грамотно и быстро. А если все получится, то тогда уж по полной программе отметим наше дельце.

Блок уже взял ситуацию под контроль, и его мозг начал выдавать отдельные элементы операции, которые теперь нужно было сложить в один сложный механизм.

– РоМ и Лау, на вас – все найти и привезти на виллу.

– Тинки, ты займись электронными аукционами. Будешь размещать и продавать вещи из коллекции инкогнито. За тобой сразу же начнут наблюдение, поэтому постарайся хорошенько заматывать следы. Используй оффшорные зоны и страны третьего мира. Создавай фирмы-однодневки и подключай все свои хакерские штучки.

– Свит, ты займешься счетами, на которые будут поступать деньги с аукционов. Нужно будет запутать все ниточки, чтобы даже случайно на нас никто не мог выйти. А я еду в Швейцарию открывать банковскую ячейку для хранения наших ценностей и будущих средств.

Команда до утра обсуждала детали операции. Все тонкости предугадать было невозможно, поэтому старались по возможности предусмотреть как можно больше вариантов, чтобы быть готовыми к любым поворотам.

На следующее утро, как по взмаху волшебной палочки, включился свет, и вся команда разъехалась по своим делам. Блок отправился в путешествие по Европе – ему срочно понадобились настоящие швейцарские наручные часы, а приобрести их можно было только на родине изготовления. Другим магазинам он не доверял.

Свит поехал в Камбоджу. Он слышал, что там существует какой-то заброшенный храм в джунглях, и ему не терпелось посмотреть на него, так как выяснилось, что он является большим поклонником древней архитектуры. А РоМ и Лау направились осматривать достопримечательности в глубь Италии.

Тинки, наконец-то, осталась одна на вилле. Она заварила себе настоящий крепкий кофе и осталась в своей комнате наедине с несколькими компьютерами. Ей никто не мешал, и она могла полностью погрузиться в мир цифровых технологий. Буквально через час уже вся ее комната была завалена разными дисками и флешками. Ее вирусные программы через интернет

взламывали защитные бастионы банков, аукционов и бирж. Отследить ее было невозможно. Если бы кто-то попытался проследить источник опасности, то, в лучшем случае, увидел бы десятки тысяч электронных адресов, которые каждую секунду обновлялись и заставляли краснеть от перегрузки спутниковые системы на орбите. В свое время она, по заданию сверху, зашла на секретный сайт Пентагона, да так, что этого никто не заметил. Задание Блока для нее было простым и очень интересным развлечением.

Через сутки она уже была владелицей личного вип-кабинета на самом престижном аукционе Сотбис. Лучшие трейдеры представляли теперь ее интересы, и с ней искали связи владельцы частных коллекций со всего мира. Она записала на себя несколько крупных сделок с покупкой и продажей очень редких старинных вещей и заслужила авторитет как владелица очень приличной коллекции.

Свит открывал счета в Новой Зеландии и Камбодже, Сомали и на Кипре, Южной Африканской Республике и Ливии. Стран было много, счета постоянно пересекались, и небольшие суммы по несколько раз в день пробегали по бесконечным переводам от небольших фирм друг другу. Фирма заключалась в аренде офисного стола и компьютера. Арендодателю проплачивалась стоимость рабочего места за год вперед, и десятки таких фирм изображали активную деятельность по покупке, продаже и переводу денежных средств по всему миру.

Вскоре Свит уже отправил для Тинки смс с несколькими тысячами цифр, смысл которых был понятен только им. Она поместила полученные данные в компьютер, и через два часа у нее уже был полный расклад по всем счетам и фирмам в оффшорах. Теперь можно было закинуть в этот бесконечный водоворот денежных переводов любую сумму, и ее в течение нескольких минут раскидали бы до самых минимальных размеров по всему миру. Затем снова собрали и снова раскидали. Отследить данные деньги уже не представлялось бы возможным ни одной финансовой системе.

РоМ и Лау путешествовали по Италии. Они осматривали достопримечательности и изображали из себя туристов в очках, шортах и с огромными фотоаппаратами на шеях. Во время одной из экскурсий микроавтобус подвез их к огромному старому мосту. Лау выскочила из автобуса и, не дожидаясь экскурсовода, бросилась вперед. РоМ едва успевал за ней. Они почти забежали на мост и радостно глядели друг на друга. Лау тараторила без умолку:

– Ты это видишь? Это же наш мост... Прикинь, он до сих пор стоит. Мы со Свитом его заказывали нашим людям, и они его сделали для нас, да так, что прошло столько времени, а он до сих пор стоит. РоМ, посмотри, там даже арки сохранились, а дорога на мосту, смотри, как стерлась. Раньше здесь плиты были, а сейчас все стыки сточились... А вот смотри... Ой, а здесь... И тут тоже.... Глянь-ка туда... Ой, не могу....

– Да вижу я все. Отстань уже от меня...

РоМ гладил руками тысячелетние камни, и в его памяти возникали картины из того далекого прошлого. Он видел, как несколько сотен людей и день, и ночь строили этот мост. Как сновали телеги с камнем с виллы до стройки, и как Лау устроила всем праздничный концерт по случаю окончания работ. А экскурсовод тем временем продолжал, и часть его рассказа теперь могли уже услышать и РоМ с Лау:

– Сейчас мы с вами находимся на самом древнем мосту в этой части Италии. Его название «Понте Векьо». Он был построен в тысяча триста сорок пятом году знаменитым архитектором Нери ди Фьораванти. Самым удивительным в строительстве этого моста было то, что архитектор выбрал надежную, но в то же время изящную конструкцию из нескольких арок...

Экскурсовод говорил о трудностях, возникавших при возведении этого произведения искусства, и о средствах, вложенных в постройку. Но наши друзья его совершенно не слушали. Они были заняты своими воспоминаниями:

– Прикинь, они отобрали славу у нашего архитектора и строителей...

– Да, вообще, пипец какой-то. Как так можно? Мосту в два раза больше лет, а они его еще и приписали кому-то другому.

– А помнишь, ты дискотеку сделала для людей, когда мост закончили?

– Ага, твои телохранители еще песни пели. Тогда еще наша двадцатка жива была. Все вместе отдыхали.

– Жалко ребят. Хорошие парни были. Им бы жить да жить в новом городе. Как вспоминаю, так до сих пор мурашки по коже пробегают. Никогда не забуду, как в нашем клубе они прощальную песню пели, обнявшись все вместе. Как будто чувствовали, что не вернутся уже и того боя.

– Ну, не казни себя-то. Мы сделали все, что могли. А они тебя очень уважали. Ты для них всегда был любимым командиром...

Так за воспоминаниями они прошлись по мосту взад-вперед. Казалось, что каждый камень узнавал их и радостно приветствовал.

– На виллу не поедет? – РоМ начал ностальгировать по былым временам.

– Нет. Я по инету смотрела, там уже все перестроили давно, даже скалы нашей нет. Кучу каких-то новых домов построили. Из всех наших построек только этот мост и остался, а второго уже нет. И в истории о нем нет никаких упоминаний. Как будто и не было его никогда. Столько труда положили на него – и вот результат.

– Ладно, пойдем в автобус, а то грустно как-то стало?

И они уже одни, без своей группы, направились к автобусу. На середине пути они попросили водителя остановиться и, поблагодарив за интересную экскурсию, заявили, что дальше хотят уже самостоятельно осмотреть все красивые места, которые они только что проезжали.

Они шли уже больше часа, а Лау все никак не могла сориентироваться.

– Ну, далеко еще?

– Где-то здесь. Тут уже ничего узнать невозможно. По карте, так вроде, уже пришли.

– А что помнишь? Что еще было?

– Помню, лес был густой, а здесь, вообще, леса нет. Вырубили, наверное, все уже давно.

– А дома те не помнишь?

– Ага, помню, и вон ту бензозаправку с автостоянкой тоже помню, стояла как раз недалеко. Мы там лошадей наших заправляли АИ 95.

– Какая еще автостоянка?

– А ты думай, что спрашиваешь...

Наконец, Лау многозначительно подняла палец вверх и топнула ногой:

– Здесь.

– Точно, здесь? И как это, интересно, ты определила?

– Очень просто. Заложил в компьютер данные координаты, и он мне выдал точное современное местоположение.

– А чего тогда мне все нервы вымотала?

– Да просто хотела позлить тебя немного.

– Ну, считай, что тебе это удалось.

Они стояли посередине поля. Вдали проходила оживленная автомобильная трасса, а ближайшие дома были в полукилометре от них. Небольшая красивая деревушка раскинулась вдоль дороги, а жители занимались тем, что продавали проезжающим туристам недорогие сувениры.

– Ну, нам здесь копать просто так никто не даст, – Лау носком ноги ковыряла землю.



– Наверное, придется снять домик и рыть от него тоннель до места, – перед РоМом никогда не было невыполнимых задач.

– Тогда нам здесь придется задержаться на пару-тройку лет. Ты просто представь себе, как это – вырыть тоннель.

– А ты что предлагаешь? Груз лежит на глубине десяти метров. За ночь мы не успеем вырыть яму и вывезти товар. Там находятся двадцать тяжелых ящиков. Это нужно все раскопать, достать, закопать и вывезти. И все за одну ночь. Это нереально будет сделать. Так что, скорее всего, придется рыть тоннель.

– А я, кажется, знаю, что нам нужно сделать. Во всяком случае, тоннель мы делать не будем. Сейчас давай снимем какое-нибудь жилье, а по дороге я тебе все объясню...

Они быстро нашли подходящую гостиницу и, плотно поужинав, принялись реализовывать свой только что придуманный план. Он был до неприличия прост. РоМ открыл первую рекламную газету и нашел объявления по земляным работам. Созвонившись, они договорились о встрече завтра утром, и на сегодня для них рабочий день был закончен.

Они сидели на веранде и наслаждались теплым вечером. В воздухе парил аромат цветов, и жизнь после двух приличного размера пицц казалась просто прекрасной. Лау ушла спать первой, а РоМ еще некоторое время поностальгировал по прошедшим временам на древнеримской вилле. Вскоре он начал клевать носом и проснулся уже поздно ночью. Он слегка приоткрыл глаза и, убедившись, что вокруг все тихо и спокойно, встал со своего кресла. Еще раз осмотрев с веранды ночную улицу, он, наконец, направился в свою комнату досыпать остаток ночи.

Рано утром они уже были на ногах. Заказное такси отвезло их по нужному адресу, и в назначенное время они уже были в офисе строительной компании. Их встретил какой-то араб, лишь отдаленно напоминающий итальянца. Он пригласил их в свой кабинет и усадил за стол, на котором уже стояли свежесваренный чай и какие-то сладости. Судя по столу, разговор предполагался быть очень долгим.

Араб рассказывал, как приехал в Италию уже много лет назад, как начал строить свой бизнес, с какими трудностями ему пришлось столкнуться и как ему помогали его братья, которых он перевез сюда. Лау его совершенно не слушала. Она рассматривала журналы, разложенные стопками на многочисленных полках, и пила предложенный чай, а РоМ, наоборот, ловил каждое слово строителя. В нужных местах он кивал или поддакивал, в зависимости от ситуации, и всем своим видом показывал свое участие в тяжелой жизни иммигрантов из Африки. Наконец, хозяин фирмы неожиданно закончил свой рассказ и пристально посмотрел на РоМа:

– Ну, а теперь давайте послушаем, что именно вы хотите построить. Сразу хочу вам заметить, что земля в этих местах очень дорогая и приобрести ее практически невозможно. Но вам очень повезло, что вы пришли именно ко мне. У меня есть нужные люди, которые за определенное вознаграждение помогут вам в приобретении участков.

– У нас немного другая ситуация. Я бы даже сказал, слегка щекотливая, – РоМ начал неуверенно мямлить, вызывая сочувствие у собеседника. – Мы не хотим приобретать землю. Мы бы хотели... – тут РоМ достал бумажник и вытащил несколько крупных купюр евро и сверху положил платиновую карту виза.

Директор компании сверкнул глазами и обратился к своему помощнику, который сидел чуть поодаль и работал на компьютере:

– Сходи в соседнее кафе и скажи, что сегодня я приду обедать чуть позже.

– Хорошо, сейчас схожу...

– А я говорю тебе – сейчас иди...

Помощник мигом, поняв, что он здесь лишний, встал и направился к двери. Когда дверь за ним плотно закрылась, строитель повернулся к РоМу и продолжил:

– Вот теперь вы можете говорить совершенно открыто. Нет таких вопросов, которые бы я не мог решить в этом районе. Все упирается в сумму контракта или договора.

– А можем мы с вами решить небольшой вопрос без составления договоров и разных бумажек?

– Для меня это был бы просто идеальный вариант. Сами понимаете: эти налоги скоро заставят всех пойти по миру, плюс еще этот мировой финансовый кризис. А мне еще нужно помогать семьям моих родственников. Одним словом, я вас слушаю...

– Дело в том, что мы представляем одну небольшую компанию, которая занимается тем, что ищет залежи нефти, газа, угля и так далее. Наша задача заключается только в том, чтобы найти, а все остальное уже делают большие люди наверху. Они договариваются и решают все вопросы. Просто так нам, естественно, никто не даст проводить исследования, а наши премиальные напрямую зависят от количества исследованных мест. Поэтому мы к вам и обратились.

– Итак, вы хотите, чтобы я добыл вам разрешение на проведение исследовательских работ? Ну, что ж. Вы обратились по адресу. У меня как раз...

– Нет. Вы меня не совсем правильно поняли. Я хочу, чтобы вы сами как раз и провели все работы.

– Вот как? И как вы это себе представляете?

– Все очень просто. Нам нужно, чтобы вы вырыли яму глубиной десять метров. Мы возьмем пробы грунта, и вы тут же все закопаете обратно и сделаете вид, будто ничего здесь не было. Нужно все сделать очень быстро и не оставить за собой следов. Сколько времени вам может понадобиться для этого?

– Ну, если просто вырыть и тут же зарыть, то около часа.

– То есть вы хотите сказать, что за одну ночь мы можем полностью закончить наше общее дело?

– Совершенно верно. Но, конечно, придется немного доплатить за скорость.

– Это само собой. Надеюсь, что мы не будем брать каких-то разрешений у местных властей, а все сделаем быстро и тихо?

– Само собой. Зачем мы будем беспокоить людей. Мы все сделаем быстро и без лишних глаз. Но сразу хочу предупредить, что такие работы мы выполняем только за наличные, причем сразу.

– А вы деловой человек, и нас устраивают ваши условия.

– Тогда давайте сразу подсчитаем, во сколько вам обойдутся наши услуги:

1. Трактор и тракторист.

2. Грузовик с защитным ограждением и водитель.

3. Два разнорабочих, которые натянут защитные тенты от лишних глаз и будут помогать трактористу.

4. Две патрульные полицейские машины и четыре полицейских. Они должны подстраховывать нас от неожиданных проверок и любопытных местных жителей.

5. Скорость работ и молчание всех заинтересованных лиц...

– Итого, у нас получается двадцать тысяч евро наличными. Сколько времени вам нужно, чтобы собрать нужную сумму, если, конечно, вас устраивают наши расценки?

– Нужная сумма у нас с собой. Если все пройдет гладко, как вы нам обещаете, то лично вы получите еще сверху десять тысяч евро за хлопоты.

– Так, я вижу тут дела серьезные, поэтому промашек быть не должно. В таком случае, нам нужно будет подстраховаться. В этом городе каждую ночь патрулируют десять машин полицейских. Две из них будут охранять наши работы, а вот остальным здесь делать нечего. Для этого нужно будет их как-то отвлечь. Если вы добавите еще пять тысяч евро, то я сделаю вам полное отсутствие посторонних полицейских в районе наших работ.

– Итого, тридцать пять тысяч евро наличными. Я правильно подсчитал?

- Совершенно верно. Когда мы начинаем?
  - Если у вас все готово к началу работ, то хотелось бы сегодня ночью. Мы сможем использовать ваших разнорабочих, чтобы разгрузить и загрузить наше исследовательское оборудование?
  - Само собой. Все люди будут в полном вашем распоряжении.
  - Ну, вот и отлично. И еще. Мы могли бы арендовать небольшой грузовичок для нашего оборудования?
  - Да. Недалеко отсюда есть недорогой прокат автомобилей. Там вы сможете найти все, что хотите. Во сколько начнем?
  - Мы должны будем выехать в десять часов вечера, чтобы в полночь уже быть на месте и приступить к работе.
  - В таком случае, мои люди будут готовы в девять вечера, и все будут ждать вас здесь, в офисе. И еще... вы не могли бы сделать небольшую предоплату, чтобы я мог сразу заинтересовать своих людей?
  - Само собой. Пять тысяч вас устроит?
  - Более чем. Итак, мы ждем вас сегодня вечером...
- РоМ с Лау вышли на улицу:
- Ну, что скажешь? – РоМ был доволен собой.
  - Откуда ты знал, что он подпишется под голимым криминалом?
  - Он иммигрант, в чужой стране, к тому же араб. А с восточными людьми всегда можно договориться. Меня больше интересует вопрос, как он уберет лишних полицейских. Надеюсь, тут обойдется без жертв...
  - Ну что, идем заказывать грузовик?

Вечером к офису строителей РоМ и Лау подъехали уже на грузовом микроавтобусе. По договору аренды они могли его оставить в любом пункте проката страны, и это избавляло их от лишних хлопот по возвращению машины в этот город.

Здесь их уже ждали. Несколько человек совершенно бандитского вида смотрели телевизор и пили кофе. Здесь же находились и полицейские, мало отличавшиеся от остальных. Вся необходимая строительная техника стояла на улице под окнами, и ничего не мешало начать операцию под кодовым названием «Крот».

– Ну, что, поедем, наверное? – РоМ взглянул на главного строителя, но тот только пожал плечами:

– Еще рано. Ты же сказал, что выедем ровно в десять, а времени еще только половина десятого. Мои люди еще не приступили к своей работе.

РоМ промолчал. Какие еще люди, к какой работе? Было непонятно, но он никогда не задавал лишних вопросов, тем более, что через полчаса все и так станет известно. Ровно в десять часов, как по волшебству, в городе завывала сначала одна полицейская машина, за ней другая, и через несколько секунд вся округа уже наполнилась воем полицейских и пожарных машин.

– Вот теперь пора. Выдвигаемся все. Быстрее, быстрее, чего расселись тут? – строитель все держал под контролем. Даже полицейские и те засуетились под его криками. Через пару минут колонна проследовала по указанному маршруту. Спереди и сзади их сопровождали полицейские машины, и они ехали по улицам, игнорируя светофоры.

В одном месте им все же пришлось немного притормозить и въехать на городскую площадь, заполненную людьми, на малой скорости. Площадь была перекрыта, но машины сопровождения обеспечили беспрепятственный проезд. Полицейские машины перегородили дорогу,

а пожарные автомобили выстроились в боевой порядок, чтобы разогнать водой митингующих людей.

РоМ профессиональным взглядом сразу же определил, что беспорядки на площади были очень хорошо организованы и спланированы. Около ста человек одного возраста скандировали лозунги и жгли фаеры. Они были все в черных одинаковых куртках, на лицах – платки-арафатки:

- Мы требуем, чтобы беженцам из Ливии дали Шенгенские визы и вид на жительство...
- Мы требуем, чтобы нам повысили пособия в два раза...
- Мы требуем, чтобы нам предоставили жилье во Франции...
- Мы требуем, чтобы к нам относились как к равным...
- Мы требуем, чтобы нам провели бесплатный интернет в городок беженцев...

Лозунги шли нескончаемым потоком и в конце уже были просто смешными:

– Мы требуем, чтобы нам выдавали белые носки для посещения кафе и черные для посещения туалетов...

– Мы требуем, чтобы нам открыли счета в банках, через которые мы могли бы переводить свои пособия нашим семьям на родине...

– Мы требуем, чтобы нам давали беспроцентные кредиты в магазинах электроники...

Митингующие выдвигали еще какие-то несурзные требования.

Колонна, наконец, сумела пересечь площадь и выехала уже на свободное пространство. Строитель был прав: все полицейские машины города сейчас были здесь, и, судя по всему, работы им должно было хватить на всю ночь.

Через полтора часа они уже были на месте. Подсобные рабочие тут же принялись устанавливать легкие пластиковые ограждения, а тракторист пока осматривал место будущей ямы. Полицейские поставили машины по периметру и, включив телевизоры, стали смотреть какой-то футбольный матч. На улице уже совсем стемнело, и тракторист включил мощные прожекторы на крыше. Когда разнорабочие закончили устанавливать защитные ограждения, то половина ямы уже была готова. Работали быстро и слаженно. Через полчаса уже вышли на нужную глубину. Но, вероятно, Лау немного просчиталась с ориентирами, так как нужного они пока так и не обнаружили.

– Ничего не понимаю. По всем данным, здесь должно быть все.

– Может, кто другой уже нашел?

– Все равно должны были камни остаться от склепа. Мы сделали комнату из плит и туда уже все складывали.

– Ну, тогда будем дальше искать...

Тракторист расширял глубокую яму, а РоМ пристально всматривался в каждый ковш земли, который извлекался из недр. Вдруг Лау подпрыгнула от неожиданной мысли, которая пришла ей в голову:

– Вот я, тупая-то, ну, тупица, пипец просто.

– Ну, и что же ты поняла, тупица ты наша?

– Да то, что прошло две тысячи лет и звезды же поменяли свое местоположение относительно Земли. Вернее, Земля поменяла свое местонахождение относительно звезд.

– И что?

– А то, что сейчас я дам точные координаты с учетом этих прошедших двух тысяч лет, и все найдем.

Она убежала в грузовик и достала свой ноутбук. Через пару минут она уже вся светилась от счастья:

– Я же говорила, что не здесь копаем.

– Ты это говорила после того, как тебя вдруг осенило. Так где копать-то?

– Сейчас покажу...

Она бросилась бежать по полю, через некоторое время остановилась и топнула ногой:

– Здесь. Точно здесь.

Рабочие молча стали собирать щиты и переустанавливать их на новое место, а тракторист стал перегонять технику. Лишнюю яму решили закапывать уже в конце работ. Через пятнадцать минут машина уже вгрызалась в землю на новой территории. На нужной глубине ковш зацепил край какой-то плиты, и раздался скрежет. Теперь нужно было рыть очень осторожно. Один из рабочих спустился вниз и координировал работы непосредственно из ямы. Они сумели расчистить каменную площадку, которая была крышей небольшой комнаты, и, осторожно поддев одну из плит, образовали проход внутрь. Лау спустилась туда первой, и через минуту донесся ее радостный голос:

– Все в порядке. Можно поднимать...

Рабочие под неусыпным контролем Лау укладывали ящики в ковш трактора, а наверху РоМ принимал драгоценный груз. Все двадцать ящиков были на месте. Герметичные стены хорошо защитили от влаги секретную комнату, и дерево только местами превратилось в труху, а основная часть ящиков была вполне пригодной для транспортировки. Все это затем было тщательно уложено в микроавтобус. РоМ подошел к рабочим, чтобы отдать им их честно заработанные деньги. Главный строитель взял РоМа за руку и отвел в сторону:

– Про ящики разговора не было. Мы же не знаем, что там? Может, там взрывчатка или еще что.

– Все верно. Про ящики разговора не было, и именно поэтому мы решили, что каждый из вас заработал сегодня немного больше, чем мы договаривались изначально.

– На сколько больше?

– Ну, я думаю, что тысяч по десять на каждого сверху должно всех успокоить?

– Это даже больше, чем успокоит. С вами приятно иметь дело. Если наши услуги вам понадобятся еще когда-нибудь, то мы всегда только рады.

– Ну, вот и отлично. Возьмите ваши деньги и зовите своих людей по одному – я хочу побыстрее расплатиться и уехать отсюда.

Через пять минут все деньги были розданы, и рабочие принялись закапывать ямы. Стояла глухая ночь, и к утру на месте раскопок уже вместо ям красовались лишь два черных круга. Местные жители потом еще долго обсуждали необычное появление этих таинственных космических кругов.

РоМ и Лау доехали до следующего города и взяли в прокат еще микроавтобус. На одной из стоянок они перегрузили ящики в новую машину, и уже на ней Лау поехала в одну сторону, а РоМ – в другую. Так РоМ катался около недели по всей Италии, а Лау с грузом уехала в соседний городок и там опять поменяла машину. Ящики у нее забрал Свит уже на следующий день, а Лау просто заметала следы так же, как и РоМ.

Через неделю они все вместе собрались на вилле. Теперь они уже, судя по документам, представляли строительную корпорацию с труднопроизносимым арабским названием. У них были филиалы во многих африканских и европейских странах и очень положительная репутация. На первом же совете директоров, где присутствовали только члены команды, Блок задал вопрос, который тут же поставил в тупик всех без исключения:

– Ну, какие будут предложения о вложении неожиданно свалившихся на нас денежных средств?

– Можно съездить отдохнуть куда-нибудь...

– Ага, из Италии в Испанию, например...

– Точно. Или во Францию...

Все сидели за столом, и никто не мог сказать ничего вразумительного. Время шло, а личных предложений так и не поступало. Наконец, Блок принял решение, которое устроило всех:

– Короче, мы с вами делаем так: сейчас ничего решать не будем, а завтра к вечеру я жду от каждого по одному самому заветному желанию. Имеется в виду, куда можно вложить деньги. И особенно там постарайтесь не мелочиться.

На этом собрание было закончено, и все тут же забыли о принятых обязательствах. Но забыли, как оказалось, не все. Лау целые сутки уединялась в своей комнате и выходила только на прием пищи и на совместное время за чашкой кофе.

На следующий вечер БлокАДА снова всех собрал и с самым серьезным видом потребовал от будущих акционеров предложений:

– Давайте первым начну я. Предлагаю вложить все средства в банк, снимать проценты и тратить их по своему усмотрению.

Его предложение не вызвало особого энтузиазма у присутствующих и широкого одобрения не получило. Следующим выступающим был РоМ:

– Можно открыть по всему миру огромные игровые клубы, оснастить их самым современным оборудованием и объединить в одну сеть. Тогда все смогут одновременно играть в любимые игры...

– Ну, ты, как всегда, только об одном и думаешь. У тебя голова может в другом направлении работать-то?

Затем слово взял Свит:

– А если нам открыть исследовательский центр, как в Израиле или Германии, и заняться изучением болезней? Представляете, сколько пользы мы смогли бы принести? На эти деньги мы такую шикарную медицинскую клинику бы открыли...

Он начал расхваливать современные центры по всему миру, и его едва остановили.

Подошла очередь Тинки. Она, недолго думая, выпалила все, что у нее накопилось:

– Можно выкупить земли на севере, например, и сделать там огромные теплицы. В этих теплицах выращивать всякие продукты и продавать в Африку. И польза будет большая, и денег заработаем еще на этом.

Теперь оставалась невысказанной только одна Лау. Все смотрели на нее, но та выжидающе молчала. Наконец, насладившись произведенным эффектом, Лау важно пригласила всех в свою комнату, чем очень удивила команду. Молча переглянувшись, они, не медля, прошли по ее приглашению.

За день комната приобрела совершенно другой вид. На середине стояли четыре удобных глубоких кресла (перетащенных с веранды) и небольшие столики, на которых стояли прохладительные напитки и пирожные. Пока команда удивленно рассматривала преобразенную комнату, Лау исчезла буквально на пару минут и появилась вновь, уже в национальной тайской одежде. Она зажгла ароматизированные свечи и опустила шторы, украшенные какими-то цветами. Начало предстоящего шоу впечатляло.

Когда, наконец, все расселись по своим местам и приготовились к представлению, Лау вышла на середину и выключила пультом свет. На стене тут же появился большой светящийся экран, на котором замелькали изображения. Сначала появилась большая политическая карта Мира, и Лау начала свою красочную презентацию:

– Сейчас на Земле проживает порядка семи миллиардов человек. Люди ходят на работу, в магазины, на учебу, в рестораны и так далее... – в это время на экране огромные толпы людей стояли в очередях, куда-то спешили, ехали... – И каждый год люди стараются хорошо отдохнуть. Как говорится, кто хорошо работает, тот хорошо отдыхает. Туристические фирмы каж-

дый год увеличивают поток отдыхающих людей в разные страны мира. Туристы ездят по интересным местам, и каждый старается выбрать для себя именно то, что ему подходит больше всего. Кому-то нужен пляжный отдых, а кто-то предпочитает экскурсионный. Но есть и такие, кому необходимы оба эти условия. Есть страны, которые могут удовлетворить всех желающих. И одна из таких стран – это Таиланд. Свежие овощи и фрукты – круглый год. Ласковый Сиамский залив и горячее солнце. Улыбчивые люди и невысокие цены. Все это можно встретить в этой удивительной сказочной стране тысячи улыбок. В курортном городе Паттайя можно встретить людей со всего мира. И если днем город как бы засыпает, то с наступлением ночи все просыпается и начинает оживать...

Во время рассказа Лау на экране демонстрировались эпизоды из жизни ночной Паттайи. Каждый небольшой опус сопровождался коротким видеосюжетом. На экране появлялись отдыхающие веселящиеся люди, танцующие девушки и сидящие за барными стойками молодые люди. А Лау продолжала:

– В Паттае есть самая знаменитая в Азии улица. Она называется Волкинг стрит. На этой улице всегда праздник, и это самая лучшая улица в мире. Здесь всегда очень много людей. Все отдыхают и наслаждаются жизнью в полной мере. Музыка звучит всю ночь, и каждый может найти для себя именно то, что ему нужно в данный момент. Множество различных баров и ресторанов, дискотек и клубов ждут гостей. В конце улицы есть настоящий пирс для яхт и катеров. Земля в этом районе стоит огромных денег, и мало кто может позволить себе приобрести даже маленький участок. Но недалеко от пирса есть довольно-таки приличный участок земли, который совсем недавно был выставлен на продажу. Покупателей пока не нашлось, так как цена за него выставлена запредельная. Если постараться, то мы можем успеть выкупить эту землю и построить там самый красивый небоскреб в Таиланде. Я выбрала один вариант зеркального пятидесятиэтажного дома – это просто красавец.

На экране тут же возник сверкающий в ночной тьме небоскреб.

– Внешний вид слегка напоминает стул, но высоченный, весь из стекла и зеркал. Он наиболее удачно впишется в архитектуру Паттайи. Если его построить и потом сдавать в аренду шикарные апартаменты с видом на океан, то можно заработать дополнительно себе на будущую жизнь. А последний этаж можно полностью сделать для наших нужд. Его сдавать не будем. Он только для нас будет предназначен, и после заданий мы всегда будем возвращаться к себе домой. Представляете, у нас будет свой собственный дом? Да еще где – в самой Паттае. И не просто в Паттае, а на Волкинг стрит. О большем мечтать просто нельзя. Лучше уже не придумаешь...

Лау включила свет и замолчала в ожидании общего решения. Все молчали, потрясенные увиденным и услышанным. Первым заговорил, как всегда в таких случаях, БлокАДА:

– Ну, товарищи офицеры, какие будут мнения? И, вообще, как считаете, нужно голосовать или и так все ясно?

– Да и без голосования все понятно...

– Молодец, Лау, отлично все устроила...

– Ну, значит, всеобщим решением принимается предложение Лау. Поздравляем...

Все принялись поздравлять Лау с победой в этом необычном конкурсе.

– Теперь нужно разработать план дальнейших наших действий. Тинки, тебе нужно будет за пару дней оформить нам документы. Сделай всем двойное эквадорское и португальское гражданство. У Лау должно быть тайское, она у нас будет застройщиком, отвечающим за азиатское направление. Фирма будет зарегистрирована в Объединенных Арабских Эмиратах. Строителей будем нанимать непосредственно в Бангкоке. Сейчас необходимо первым делом успеть выкупить землю в Паттае. Если на нее уже есть покупатели, то смело перебивайте цены. За ценой не стойте. Завтра с утра в Таиланд выезжают Лау и Свит. Вам необходимо в крат-

чайшие сроки провести переговоры по земле. Мы с РоМом начнем вывозить в Швейцарию наш груз и регистрировать его на аукционах. Тинки, ты начнешь сразу же все продавать. Сама смотри по обстановке, как там действовать, чтобы не было лишнего шума и ажиотажа в прессе. Мы выезжаем тоже завтра. А сейчас всем отдыхать. Молодец, Лау, всех за пояс заткнула и работой обеспечила, так держать...

Утром вилла опустела. Перед самым отъездом Блок зашел к Тинки и закрыл за собой покрепче дверь:

– РоМ со своей игрушкой компьютерной уже бредит. Как его отучить-то? Ты в компах лучше всех нас разбираешься.

– Ну, можно сделать, как в прошлый раз...

– Ты имеешь в виду, подстроить, чтобы его из клана кикнули?

– Ну, да. У него сейчас кто клан-лидер – Неоспоримый и Каунт?

– Нет, это были в прошлом его клане, а сейчас Элендил или Андерсен, не помню уже. Короче, подумай, что лучше будет. Пообещай там что-нибудь или еще как...

– Хорошо, сделаю. Только смотри не проговорись, а то он мне голову потом отвернет или разобидится и год разговаривать со мной не будет.

На следующий день, после обеда, Блок и РоМ уже сидели в шикарном офисе одного из самых престижных банков Швейцарии. Отдельный вип-кабинет, кожаные глубокие кресла, кофе – все было на самом высочайшем уровне. Они уже около часа находились здесь и считались представителями очень важных людей. (Они представляли интересы Тинки.)

Заказ в данном банке был просто огромным. Они взяли в аренду большое хранилище со множеством небольших сейфов. В каждом из них находился один из артефактов. Он был подробно описан, сфотографирован со всех сторон и предварительно оценен. За каждым из них закреплялся свой индивидуальный номер, по которому он и выставлялся теперь на аукционы. У каждого предмета был свой паспорт со множеством подтверждающих его подлинность подписей. Директор банка был счастлив, что ему оказали такую высокую честь. Тем более, что это приносило ему немалые деньги. Для почетных гостей были заказаны апартаменты в дорогой гостинице за счет банка и развлекательные мероприятия.

Перепись исторических ценностей проходила в течение недели. Для этого были приглашены лучшие специалисты со всего мира, и забавно было наблюдать, как седые профессора осматривали ценности. Они буквально не могли надышаться над сокровищами.

Все экспонаты были в идеальном состоянии, и любой музей посчитал бы за честь занять хоть малую толику из всего, что здесь было представлено. Предметы еще не были окончательно выставлены на аукцион, а Тинки уже стали поступать предложения от частных коллекционеров о покупке того или иного артефакта. Многие коллекционеры готовы были привезти наличные в любую точку мира, не желая проводить сделки в официальном режиме. Названные суммы гораздо превышали первоначально озвученную стоимость вещей, и Тинки начала потихоньку реализовывать товар. Деньги потекли огромным потоком в различные банки по всему земному шару.

Блок и РоМ привозили по два ящика в неделю, и работы у банковских служащих было больше чем достаточно. Целая комиссия из профессоров теперь постоянно проживала в Швейцарии и выдавала официальные заключения по ценностям. Каждый новый ящик вызывал небывалый ажиотаж среди знатоков и коллекционеров. Тинки теперь называли не иначе, как «Граф Монте Кристо». Ей уже прислали официальные приглашения сделать частные выставки в Лувре и Эрмитаже, Британском музее и музее Ватикана, а она продолжала удивлять всех все новыми и новыми сокровищами.

Первые же аукционы показали, что стоимость представленных экспонатов намного превышает те суммы, которые Тинки планировала выручить. Судя по всему, прибыль в конце



должна была получиться значительно выше запланированной, поэтому часть предметов решено было законсервировать на «черный день», потому что вырученных денег и так вполне хватало на проект Лау.

Таиланд встретил Свита и Лау небывалой жарой. В аэропорту они сразу же проехали по движущейся дорожке к таможенной службе и вскоре уже сидели в дорогом автомобиле с кондиционером. Лау произнесла название самого роскошного отеля в Паттайе, и водитель помчал мерседес по указанному адресу. Перелет прошел легко, поэтому они решили сразу же приступить к своим делам без обычного после дальней дороги отдыха.

Едва зайдя в свои апартаменты, Лау сразу же связалась с нужными людьми по телефону, и уже вечером их ждали в офисе фирмы владелицы нужного земельного участка. Из номера же они заказали дорогой автомобиль на вечер и деловые костюмы. Номер был люкс: с большой веранды открывался красивый вид на океан, а далеко внизу сновали маленькие люди и автомобильчики. Звук города совершенно не доходил до сорокового этажа, и наверху было абсолютно тихо. Огромный бассейн позволял окунуться в прохладу и насладиться великолепным видом сверху.

Так незаметно за развлечениями подошел вечер. Друзья сменили шорты и купальники на деловые костюмы и отправились на встречу на другой конец города. Дорогой автомобиль заметно выделялся среди множества тут-туков и байков. Живая река из машин текла непрерывным потоком по дорогам, и непривычному взгляду было совершенно непонятно, как можно было ориентироваться в этом круговороте всего живого. Авто сновали в сантиметрах друг от друга. При всем при этом на протяжении пути не встретилось ни одной аварии или затора. Город сверкал вечерними огнями и иллюминацией. Каждый ресторан вдоль дороги старался привлечь как можно больше посетителей своим рекламным светом. Все переливалось в разноцветных огнях, приглашая зайти в то или иное заведение. Огромные пальмы были подсвечены, и превращались из обычных деревьев в произведения искусства. На всем пути друзьям попадались бесконечные торговцы, которые постоянно что-то жарили на открытом огне в небольших сковородах, и запах приготовляемых блюд наполнял улицы.

Свит и Лау давненько не были здесь, и за время их отсутствия тут много чего изменилось. Появились новые огромные дома, отели, рестораны... Пустые места теперь были отданы под всевозможные стройки, и везде, куда только мог упасть взгляд, стояли строительные краны. Курорт развивался стремительно, и было понятно, что через несколько лет здесь уже совершенно не будет незастроенных мест.

Их подвезли к большому красивому входу; один швейцар услужливо открыл им дверцы автомобиля, другой любезно распахнул для них входные двери. Свит протянул каждому по десять долларов, и швейцары остались очень довольны. Дальше гостей уже встречали представители фирмы.

Скоростной лифт в мгновение ока поднял на нужный этаж, и все прошли в деловой кабинет для переговоров. С тайской стороны присутствовали пять человек. Судя по всему, это были очень уважаемые люди, так как секретарша и многочисленные помощники постоянно кланялись им и с быстротой молнии выполняли любое их поручение. Наконец, двери закрылись, и они остались без посторонних людей. Разговор шел на английском, изредка прерываясь тайскими предложениями. Все сводилось к тому, что земля была обещана одному из родственников чиновника из правительства и что теперь очень трудно будет что-либо изменить. Один из представителей фирмы монотонно бубнил, глядя в окно:

– Мы очень дорожим тем, что вы обратились именно к нашей фирме. Но сейчас не самое удачное время длястроек в Паттайе. Сами подумайте: мировой кризис. Доллар не стабилен. Цена на нефть скачет то вверх, то вниз. Цены на недвижимость заморозились... Нам не хотелось бы, чтобы вы потеряли свои деньги. Мы, со своей стороны, можем вам рекомендовать вло-

житься в строительство ресторанов на пляже Джомтьен. Это тоже очень раскрученное место и в будущем будет приносить хорошие деньги...

Представитель говорил и говорил, и говорил... – и всем было понятно, что все, чего он добивается, это чтобы Лау и Свит приобрели какой-то неходовой товар вдали от центра Паттайи. Наконец, Лау надоело слушать эту бубнешку, и она резко прервала говорящего:

– Простите, но мы прилетели за тысячи километров не для того, чтобы выслушивать этот бред. С кем конкретно мы могли бы переговорить о покупке земли? Если вы не в состоянии предоставить нам то, что мы хотим, нам придется найти других, кто будет более компетентен в этом вопросе.

Таец сразу же насторожился. Тон, которым разговаривала с ним Лау, заставил его на секунду задуматься:

– Значит, вы хотите приобрести именно этот участок, несмотря ни на что?

– Именно.

– Тогда вам придется подождать некоторое время, а я свяжусь с главным менеджером. Если он посчитает нужным, то приедет для дальнейших переговоров, а если нет, то мы вынуждены будем вам отказать в наших услугах.

– Нас устраивает этот расклад. Не забудьте только сообщить вашему главному менеджеру, что мы готовы приобрести этот участок за указанную сумму и прибавить к ней еще одну, которая устроила бы не только его, но и всех присутствующих, включая и родственника вашего чиновника. Мы думаем, что за такие откупные, которые мы уполномочены ему предложить, он откажется от участия в этой сделке, и все останутся довольны.

Один из присутствующих людей быстро встал и вышел на веранду. Через огромные стекла было видно, как он разговаривает с кем-то по телефону и оживленно жестикулирует. Через некоторое время он вернулся на свое место и извиняющимся тоном сообщил:

– Через двадцать минут здесь будет все правление нашей фирмы. К сожалению, мы не сможем принять участия в ваших переговорах, так как они пройдут на самом высоком уровне. Сейчас мы должны будем удалиться. Если вам что-то понадобится, то наши помощники в полном вашем распоряжении. Еще раз просим прощения за потраченное вами время.

Представители фирмы встали и, почтительно поклонившись, вышли. Как только они скрылись за дверью, то в зал сразу же вошли девушки с подносами. Они расставили перед Свитом и Лау всевозможные фрукты и напитки. Затем встали сзади кресел, ожидая дальнейших указаний.

Свит пил какой-то освежающий напиток, а Лау ела виноград, когда послышался рокот приближающегося вертолета. Винтокрылая машина опустилась на крышу небоскреба, и через пару минут в зал вошли четыре человека. Обслуживающие девушки сразу же вышли. Вошедшие извинились за то, что пришлось их ждать:

– Сразу же хочется попросить прощения за наших помощников. Они просто сразу не определили, с кем имеют дело, и поэтому решили, что смогут провести деловую встречу сами. Смеем вас заверить, что такого больше не повторится, и любые действия теперь мы будем проводить только напрямую. Итак, что вы можете нам предложить?

Все удобно расселись на диванах и приготовились слушать. Говорить начал Свит:

– Насколько нам известно, первоначальная стоимость земли была оговорена заранее. Мы бы хотели заодно обсудить и стоимость проекта с постройкой нужного нам объекта. У нас есть предварительные наброски того, что бы мы хотели видеть на данном участке. Вы же обладаете всеми возможностями для строительства небоскребов?

– Совершенно верно. Если вы будете привлекать нашу фирму и как главного застройщика, то мы могли бы поговорить и о дополнительных скидках...

– Ну, вот и отлично. У нас есть проект интересующего нас здания. Мы бы хотели, чтобы вы связались с архитекторами, плюс ко всему, взяли на себя все юридические формальности по оформлению сделки. Само собой, что все ваши расходы и премиальные будут щедро оплачены...

Переговоры проходили несколько часов. Здесь уже были и юристы с банкирами. Позднее к ним присоединился и мэр города Паттайи. Встреча закончилась, когда на улице уже была ночь.

Свит и Лау больше не ездили на машинах по городу. Теперь их везде развозили на вертолетах. Этот вид транспорта был наиболее удобен и быстр в этой части Азии. Они еще несколько раз встречались с представителями строительной компании для уточнения небольших деталей, и, наконец, им заявили, что ориентировочно договор будет готов через неделю. Подписывать столь важный документ было решено в Объединенных Арабских Эмиратах, по месту регистрации предприятия Лау.

Время в Таиланде летело незаметно: Свит и Лау наслаждались тайской кухней на островах, ходили на многочисленные праздники и концерты – одним словом, полностью отдались во власть азиатского гостеприимства. И когда настало время покидать столь приветливую страну, Лау слегка загрустила. Весь обратный перелет она молчала и разговаривалась, только когда вновь увидела своих друзей.

На вилле теперь было все по-другому. Блок и РоМ постоянно курсировали с товаром в Швейцарию и обратно, а Тинки не выходила из своей комнаты, где у нее проходили какие-то бесконечные аукционы и полузаконные сделки.

Тем не менее, через день вся команда отправилась в Эмираты на деловую встречу. На место они прибыли за два дня до назначенного срока и сразу же начали заниматься приготовлением. Первым делом они сняли верхние этажи самого дорогого отеля в Эмиратах, знаменитого Бурж Аль Араб, именуемого в народе как «Парус». Это уже было показателем их состоятельности и должно было произвести нужное впечатление на гостей из Азии. На культурную и развлекательную программу было решено пригласить звезд первой величины из Америки. Для них были заказаны специальные частные прямые рейсы. Артисты должны были исполнить одну-две песни, и предполагалось, что самолеты тут же их увезут обратно. На взлетной площадке гостиницы в постоянной готовности дежурили несколько комфортабельных вертолетов на случай, если гостям неожиданно захочется посетить то или иное место. Организацией праздника Блок остался доволен. Он нанял специальную фирму, которая брала на себя полное обеспечение всем необходимым высокопоставленных гостей, и она справлялась со своими обязанностями выше всяческих похвал.

Ожидалось, что представителей из Азии будет четырнадцать человек. В делегацию входили высокопоставленные чиновники курорта, члены правительства и непосредственные представители фирмы, с которой и должен был быть подписан контракт. К назначенному часу сверхскоростные вертолеты стали доставлять важных гостей. Специальные люди встречали их с почестями на взлетной площадке небоскреба и провожали в личные апартаменты. У гостей было несколько часов, чтобы отдохнуть от долгого перелета и привести себя в порядок. В определенное время все собрались в зале заседаний, чтобы поставить свои подписи под одним из самых важных документов для города Паттайя.

За огромным зеркальным столом сидели девятнадцать человек. За каждым из них стояли люди, готовые выполнить любое поручение. Все формальности уже были заранее обговорены, и сейчас проходило только подписание договоров. Предполагалось, что строительство займет три года, и стоимость этой грандиозной стройки, вместе с землей и проектом, обой-

дется в пятьсот восемьдесят миллионов евро. Лау важно подняла глаза от предложенного ей варианта договора и торжественно произнесла:

– Ну, мы здесь все серьезные люди и, наверное, не будем мелочиться. Перед нами стоят очень большие задачи, и поэтому я считаю, что плюс – минус каких-то двадцать миллионов не изменят наших планов. Я думаю, что если мы округлим сумму нашей сделки до шестисот миллионов евро, то это будет небольшим авансом для наших новых друзей.

Азиатские гости остались довольны речью Лау. Они переглянулись, и по их лицам можно было прочесть, что они всецело разделяют ее оптимизм. Они с первых же минут пребывания в Эмиратах окунулись в атмосферу огромных затрат на их содержание, и, судя по всему, это им очень нравилось. Со своей стороны, они гарантировали, что сроки возведения здания и начало его эксплуатации будут выполнены точно и в срок. За строительством можно будет наблюдать онлайн круглосуточно на специальном сайте фирмы. Они предоставили график платежей, рассчитанный на три года, и в конце недолгих переговоров все присутствующие поставили свои подписи под документами. После этого все были приглашены в банкетный зал, где и продолжилось дальнейшее общение. Все остались довольны проведенной сделкой, поэтому хорошее настроение никого не покидало.

В полночь в небо взлетели тысячи разноцветных салютов, и все побережье в течение десяти минут озарялось небывалым по масштабам этого курорта заревом. Приглашенные артисты выступали, веселя публику. Под утро гости начали постепенно расходиться по номерам. Бессонная ночь давала о себе знать. Лишь только к обеду все стали потихоньку собираться у бассейна, расположенного на огромной высоте. Прохладная вода приводила в чувства лучше любых напитков, а развлекательная программа еще и не думала заканчиваться. По планам еще предстояли массовые полеты на вертолетах и морской выезд на яхте, затем катание на сноубордах в огромном закрытом снежном клубе и посещение подводного ресторана...

Два праздничных дня по поводу удачного завершения сделки промчались, как один счастливый миг. Представители Азии признались, что так их еще нигде не встречали, и, со своей стороны, обещали устроить не менее грандиозное празднество в честь окончания строительства. Когда все прощались в аэропорту, то уже запросто обнялись на прощание как старые знакомые. Теперь, судя по всему, в Азии у команды Блока проблем не предвиделось. Стройка должна была начаться уже через неделю, и оставалось только ждать да вовремя оплачивать выставляемые счета с круглыми суммами.

Когда все, наконец-то, разъехались, то команда в полном составе собралась в огромной гостиной. Все сильно устали от такого вида отдыха и были рады остаться одни. Они развалились на дорогих диванах и неторопливо пили какие-то коктейли. Разговаривать особо не хотелось, поэтому тишину лишь изредка нарушала кем-то брошенная фраза. РоМ блаженствовал на веранде:

– А мне здесь нравится. Может, останемся на пару недель? Нам все равно пока торопиться некуда.

– Я тоже задержалась бы здесь, – вторила ему Лау.

– Вы просто не знаете, во сколько нам обошлись эти хоромы и праздник, – пытался всех урезонить Блок.

– А чего нам деньги-то считать? Все равно с неба падают просто так, мы же не с лопатой в руках их заработали... Тем более, что сейчас часть вложим в небоскреб, а когда он будет достроен, то будет стоить уже раза в три-четыре дороже, плюс сам начнет приносить прибыль, так что у нас впереди только счастливое безбедное будущее...

– Тем не менее мы уже и так здесь прилично засветились, поэтому завтра с утра покидаем этот гостеприимный отельчик. Прошу к десяти утра всем быть готовыми к возвращению в Италию.

Команда разбрелась, кто куда, каждый по своим интересам, и все встретились уже только к ужину.

А на следующее утро скоростной вертолет в мгновение ока доставил их на аэродром, где уже стоял готовый к полету небольшой частный самолет. По прилету в Италию они вышли из аэропорта и, как по взмаху волшебной палочки, превратились из солидных олигархов в обычных туристов в шортах и кроссовках, с рюкзаками и фотоаппаратами. На следующий день за завтраком Тинки сообщила, что у нее есть для всех сюрприз:

– Сегодня на вечер не планируйте никаких дел. Я приглашаю всех на вечерний сеанс в кино. Явка обязательная, никакие отговорки не принимаются. Сразу после ужина чтобы все были в кинозале.

Кинозал находился в прохладном подвале и представлял собой большую комнату с кожаными диванами и креслами. Дорогая аппаратура и огромный плазменный экран дополняли образ кинотеатра.

– Почем билеты?

– Первый сеанс – бесплатно. Но вход после третьего звонка запрещен.

– А места для поцелуев, то есть задние, еще остались свободные или уже все заняты?

– Это уж как повезет. Как говорится – кто не успел, тот опоздал...

Тинки заинтриговала всех своим новым заявлением, и теперь весь день проходил в ожидании вечернего сюрприза. Даже на ужин все собрались немного раньше, чтобы выяснить, наконец, чем их хотят удивить на этот раз. После недолгой трапезы все спустились в кинозал, и Тинки плотно закрыла дверь. Зал был полностью оборудован для просмотра фильмов и прослушивания музыки, соответственно, обладал хорошей звуковой изоляцией. Что происходило в зале, совершенно не было слышно уже за дверью. Все удобнее расселись в креслах и приготовились к очередному развлечению. Они понятия не имели, что им покажут на этот раз. Но Тинки была настолько таинственна, что это подразумевало, что их ждет что-то из ряда вон необычное. Погас свет, и на огромной стене появились первые изображения; чей-то незнакомый голос начал рассказывать удивительную историю, сопровождавшуюся цветным фильмом:

– В далекой-далекой стране, где никогда не бывает зимы, а люди ходят в одних только набедренных повязках, жили-были...

На экране в этот момент показались улицы древнего города. Первым среагировал РоМ:

– Да это же Капуи... Точно, Капуи. Вон рынок рабов и арена цирка...

– Да, это Капуи. Я тоже узнаю, – Лау даже вскочила со своего места. А голос с экрана продолжал:

– Люди в этой стране делились на господ и рабов...

На экране тут же появились колонны закованных в цепи рабов. Они еле передвигались от чудовищной усталости и изнеможения.

– Это же наши гладиаторы! Тинки, нажми на паузу... Вон, смотрите, бригадир идет и садовник...

– Нет, это не садовник...

– Да как не садовник... Ты посмотри внимательнее – самый настоящий садовник, только волосы длинные...

– А, да. Точно, садовник... А вон и воевода идет. В цепях, еще и помогает кому-то из своих.

– Где воевода? – Свит уже был рядом с экраном. – А молодой-то какой еще и не седой совсем.

А на экране уже показывали виллу и строительство стены. Затем соревнования по боксу и тренировки разведчиков.

– А вон и РоМ со своими разведчиками в поход отправляется...

На протяжении четырех часов в кинозале стоял громкий смех. В одном фильме Тинки сумела уложить больше тридцати лет увлекательной жизни. И если первый год был знаком всем, то последующие годы для Лау были как приключенческий фильм. Она смотрела широко открытыми глазами и боялась пропустить хоть один момент. По фильму было видно, как стареют люди, как строится новый город, чего они смогли добиться за эти годы совместного труда и радости. Здесь были кадры, как РоМ вместе с волками сидит на Волчьем обрыве, как БлокАДА с воеводой катаются на коньках, как Свит работает в операционной, а Тинки доит корову, как по небу летают парапланеристы, как идет строительство дороги в соседний город. Были и грустные моменты, такие как прощальный вечер перед битвой гладиаторов на арене. На экране двадцатка бойцов пела песни и танцевала, а затем были двадцать похоронных костров на скале. Пять камней, означающих места захоронения волков, любимая кошка Тинки, оставленная в доме... Блок в обнимку со своим другом Князем. В конце во весь экран появилась пятерка воинов с закрытыми масками лицами, а посередине – Золотой Римский Орел. Фильм закончился, а все сидели и молчали. Никто не хотел нарушать эту ностальгическую тишину. Все были еще там, в древнем Риме, со своими друзьями и со своим прошлым. Первым заговорил Блок:

– Тинки, ты молодец! Спасибо тебе. Это, действительно, настоящий подарок для всех нас. Фильм придется уничтожить, но я хотел бы посмотреть его еще раз. Сейчас только наверх поднимусь и принесу что-нибудь попить, а затем снова посмотрю, а потом уже можно и стирать.

– Я тоже хочу еще раз посмотреть... – Лау была счастлива.

– И я хочу, – поддержал всех Свит.

– Да все хотят, – РоМ не отставал. – Блок, тогда на всех неси сок сразу и еще разок посмотрим...

Через несколько минут фильм снова включили. Теперь уже никто не смеялся, а все смотрели с большим вниманием и прислушивались к каждому слову, доносившемуся с экрана. Воевода отдавал какие-то команды, архитектор объяснял строителям, как правильно нужно строить мост, садовник подрезал кусты и напевал какую-то незамысловатую песню...

Команда Блока еще раз окунулась в то трудное, но счастливое время. По окончании фильма Тинки уничтожила все сохранившиеся записи, и теперь не было ничего, что могло бы хоть немного рассказать о том, что происходило в те годы. Одну фотографию она все же оставила. На заставке ее компьютера на арене старинного цирка стоял высокий красивый гладиатор с двумя мечами в руках. У него был слегка прищуренный взгляд и наклоненная вперед голова. Он готов был ринуться в смертельный бой в любую секунду. Только одет он был несколько странно для своего времени: черная футболка, камуфлированные штаны и армейские берцы. Незнающему человеку вполне могло показаться, что это был кадр из какого-то очередного фильма про Древний Рим, и только пять человек знали, кто это был на самом деле... Тинки частенько сидела с этой фотографией и даже иногда разговаривала с ней. Блок не решился уничтожить последнюю память о задании. Он прекрасно видел, что происходит с Тинки, и решил, что самое лучшее, что он может сделать сейчас, так это оставить ее в покое на какое-то время.

В один из ярких солнечных дней на виллу приехал Отец. Его приезд должен быть неожиданным, но команда была заранее предупреждена, и при его появлении на вилле все усиленно делали удивленный вид и тщательно пытались изобразить некое смущение. Это не могло не ускользнуть от опытного взгляда Отца, но он не очень сильно расстроился по этому поводу, так как на самом деле специально произвел небольшую утечку информации, чтобы к его приезду все успели хорошенько подготовиться. Он осмотрел виллу и прилегающий к ней сад и остался очень доволен порядком, царившим на данной территории.

Весь день все провели вместе. Купались в бассейне, жарили рыбу на углях и валялись под горячим солнцем в шезлонгах. Уже вечером, во время ужина, при свете зажженных свечей на веранде Отец, наконец-то, начал разговор, которого все так ждали. Но начал он не с самого начала, а откуда-то издалека:

– Товарищи офицеры, попрошу внимания. Разрешите зачитать поздравительное послание, адресованное вам от вышестоящего руководства... Весь текст я, пожалуй, читать не буду, так как здесь все без изменений, вы его уже знаете наизусть, а доведу до вас только последние строки... За успешное выполнение сложного задания, а также за проявленное при этом мужество и любовь к Родине все члены оперативной группы награждаются почетными подарками, а именно – личным именованным оружием. Как вы понимаете, грамот я вам вручить не могу и подтверждающих документов тоже. Поэтому просто примите в знак благодарности от своей Родины эти памятные вещи.

Отец вытащил из-под стола пять плоских футляров и раздал каждому. РоМ первый открыл свою коробку и не смог сдержать радостного и удивленного вскрика. В его руках в один миг оказалась боевая казачья шашка Командного Состава РККА. Он вытащил клинок из ножен и профессиональным взглядом оценил качество боевого оружия. Уж кто-кто, а РоМ умел разбираться в холодном оружии. Шашка была высочайшего качества и могла украсить собой любой музей Мира. «1927», – прочитал он выбитые на клинке цифры. Оружие было в идеальном состоянии. А Отец тем временем продолжал:

– Расконсервировали склады НКВД и там вот обнаружили, помимо всего прочего, пять шашек этих. Ну, я сразу же для вас и забрал их. Заточка еще заводская стоит, поэтому сами потом, если посчитаете нужным, сделаете, какую вам необходимо. Тем более, что РоМ – мастер у нас по всем видам холодного оружия.

Все остались в восторге от привезенных подарков. РоМ тут же ушел во двор и начал демонстрировать свои умения в джигитовке. Шашка сверкала в его руках, описывая бесконечный блестящий круг; чувствовалась чудовищная мощь, хранящаяся в этом грозном оружии. РоМ очень внимательно прислушивался к тому, с каким звуком шашка рассекает воздух, и, наконец, выдал свой вердикт:

– Хороша! Просто хороша! Действительно, царский подарок. Такое дарят только один раз в жизни, да и то не всем...

Пока все разглядывали свои подарки, РоМ показывал цирковые номера, а Блок и Отец стояли на веранде, облокотившись на перила, и негромко переговаривались:

– Я так понимаю, что неспроста эти подарки?

– Точно! Вы нужны своей стране...

– Судя по подаркам – гражданская война?

– Нет, чуть позже... Но об этом потом. Операция пока еще находится в стадии разработки, и у вас есть немного времени на подготовку. Завтра вечером мы все вместе возвращаемся на базу и начинаем усиленно готовиться к заданию.

– Ясно. А что там дома-то творится? По ящику показывают, что, вообще, страна процветает, прямо. Всем бюджетникам зарплаты подняли до небес. Автопром не успевает машины собирать – все раскупают сразу. Армию всю перевооружают. Кругом нанотехнологии, куда ни плюнь. Что там происходит-то, вообще?

– Ну, когда вернетесь, тогда и увидите все своими глазами. Я-то пока изменений больших не увидел в стране. Как раньше было, так и осталось все на том же уровне, но не нам об этом рассуждать. Мы – солдаты, и выполняем приказы, а все остальное нас не должно касаться...

– Так и есть, командир...

## Часть III

Следующим вечером вся команда, включая и Отца, уже находилась на борту аэробуса, отбывающего в столицу России. Они прошли таможенно по дипломатическим паспортам без досмотра и уютно расположились в первом классе, здесь же находились их дорожные сумки и недавно полученные подарки. В аэропорту команду встречали тонированные «хаммеры», которые в течение часа домчали всех до базы. Группа разошлась по своим комнатам, чтобы уже утром собраться в кабинете Отца.

Здесь было все по-прежнему, и каждый занял обычное кресло. На столе стояли чашки с ароматным кофе. Отец сидел на своем рабочем месте и объяснял план действий:

– Через два часа вы вылетаете в одну из бывших автономий. Осмотритесь там, погуляете немного, а вечером должны быть на праздничном концерте и банкете, посвященном какому-то их юбилею, то ли МВД, то ли местного УВД – одним словом, на месте уже разберетесь. Хорошенько отдохните там и повеселитесь, хоть привыкните немного к российской земле, а то совсем уже там, в Европе, засиделись, наверное...

Он протянул пакет Блоку:

– Здесь ваши документы и командировочные, билеты и адреса гостиниц. После банкета сразу же возвращайтесь обратно. Буду вас ждать у себя завтра, утром, там и поговорим.

– Больше никаких заданий не будет?

– Это и есть ваше задание на сегодняшний день.

Все переглянулись. Таких заданий у них еще не было – отдохнуть на банкете, побольше бы таких заданий... Через час они уже были в аэропорту при полном параде.

По прилету им пришлось взять такси, так как оказалось, что в аэропорт не ходит ни один вид транспорта. Добраться до города можно только с частными перевозчиками, которые по виду напоминали, скорее, бандитов, чем таксистов. Старенькая «семерка» и такая же «девятка», на которых работали таксисты, были под стать самолету. Местные авиалинии не очень-то заботились о своем авиапарке, и старенький «боинг», отлетавший свое еще в Китае, доживал последние дни на местных маршрутах. В самолете было грязно и сыро. Сквозь иллюминаторы просачивалась вода. Старые, далеко не худенькие стюардессы в засаленной униформе мало чем отличались от проводниц в поездах. Во время полета всем пассажирам были предложены стакан минеральной воды и по два леденца. На этом весь сервис и заканчивался. Гостиница, куда их привезли таксисты, если и могла чем-то поразить, так это только своими ценами, которые, практически, не отличались от московских. При заселении на ресепшене администратор тщательно проверила у всех документы и бронирование номеров, а затем с очень важным видом попросила всех подождать несколько минут:

– Мы специально не заселяли в ваши номера никого, поэтому сейчас горничная наведет порядок и положит туалетную бумагу. Вы ведь с дороги пойдете в туалет?

Блок строго посмотрел на администратора и на полном серьезе произнес:

– Нет. За кого Вы нас принимаете? Мы, вообще, не ходим в туалеты в чужих городах. Для этого мы возим с собой специальные биотуалеты. Поэтому потрудитесь, пожалуйста, заказать для нас дополнительные пакеты и, желательно, очень больших размеров.

Администратор вытаращила удивленные глаза. Она, конечно, слышала, что где-то и существуют какие-то биотуалеты, но никогда не видела их, и жизнь впервые столкнула ее с таким уровнем цивилизации. И где брать дополнительные пакеты, она не знала, но многозначительно промолчала, типа, все будет хорошо, и мы здесь тоже не лаптем щи хлебаем – будут вам пакеты... В номерах было все по-простому: кровать, тумбочка, стол и два стула. На столе графин и два стакана. Оставив свои вещи в номерах, все собрались у Блока. Тинки очень не понравился ее номер, и она все никак не могла успокоиться:



– Да за такие деньги можно было коттедж снять на сутки, запросто. Ладно, мы – люди привыкшие, а простые работяги как могут себе позволить съездить куда-нибудь? На улице осень стоит, а у них еще и батареи не работают. Сейчас я устрою этой комендантше...

Тинки подняла трубку и грозным тоном потребовала, чтобы в номер Блока кто-нибудь поднялся. Через несколько минут напуганная серьезным голосом Тинки поднялась опять та же администратор:

- Что-нибудь хотите заказать в номер?
- Да нет уж. Мы бы хотели выяснить, почему в номере так холодно?
- А, это потому, что батареи не работают...
- Да что Вы говорите, кто бы мог подумать? А почему батареи не работают?
- Так тепло же еще не подключали.
- А когда подключат? На улице холод стоит уже.
- Когда все склады с «арбидолом» раскупят.
- А как связана подача тепла в здания и «арбидол»?

– Ой, так вы же не знаете, наверное, вы же приезжие... Тут такое дело... Наше министерство здравоохранения закупило несколько вагонов «арбидола». Ну, у них фирмы свои и сеть аптек тоже. Так вот из всех аптек сразу же убрали все «аспирины» наши, а оставили только импортный «арбидол» один. А чтобы люди его начали покупать, они отдали распоряжение отопительный сезон начать на две недели позже обычного срока. В прошлом году так сделали, люди все позамерзали в домах, и эпидемия простудная пошла. В аптеках этот «арбидол» сразу же весь раскупили. А как же иначе, если ничего больше от температуры нет? Так вот в этом году они то же самое сделали. Так что, чем быстрее раскупят все, тем быстрее тепло дадут. А у Вас разве не так в России?

– Что значит, «у Вас в России»? А Вы -то где живете, не в России, что ли?

– Ну, так-то оно в России, конечно, только у нас здесь свои и президенты, и законы, да и, вообще, все другое, а у Вас свои – вот и думайте, кто и где живет. О том, что мы – россияне, нам напоминают только на выборах президентов и депутатов, а все остальное время мы как бы отдельно живем... Вы же там у себя в Москве считаете, что мы тут, как сыр в масле, катаемся. Нефти же немеряно у нас, и мы тут ходим по колено в ней, и газ везде. Подходи и бери, сколько нужно...

– Ну, понятно. Одним словом, тепла не будет?

– Почему же не будет? Я для Вас печки принесу. У нас хорошие печки – масляные радиаторы. Они хорошо греют. К вечеру как раз номера прогреются, и ночью тепло будет спать.

Все едва сумели дослушать болтливую администраторшу. Она собиралась рассказать еще что-то про несметные богатства республики, но ее грамотно выставили за дверь, и все развалились на широкой кровати. Блок стоял у окна и смотрел на осеннюю улицу. Ветер гнал по проспектам разноцветную листву, и она собиралась в небольших лужах вдоль разбитых дорог, по которым носились неуклюжие российские автомобильчики вперемешку с дорогими «джипами». Неожиданно зазвонил телефон. РоМ поднял трубку:

– Да...

– Добрый день!

– Здравствуйте.

– Извините за беспокойство, мы бы хотели предложить Вашему вниманию развлекательную программу с участием любых девушек, по вашему желанию.

– А что входит в программу?

– А все, что пожелаете. Наши девушки исполняют любые Ваши капризы. У нас самый большой выбор товара в этом городе. Мы обслуживаем самых высоких гостей города, и пока еще никто не жаловался.

– А китайнку сможете найти?

– Само собой. Если пожелаете, то через час в Вашем номере будет девушка из Китая.

Можете даже проверить у нее паспорт.

РоМ закрыл трубку рукой и громко спросил у всех присутствующих:

– Китайнку никто заказать не хочет?

– Нет, скажи: у нас уже есть одна тайка, нам хватит на сегодня.

Свит поднял руку, и все хлопнули по ней, громко засмеявшись.

РоМ снова заговорил по телефону:

– Боюсь, что Вы немного опоздали. Нам уже предложили девушек из Тая.

– В таком случае, еще раз извините за беспокойство. Приятного времяпрепровождения...

Не успел РоМ отойти от телефона, как тот затрещал снова. Лау подскочила к телефону первой:

– Ну, я им сейчас устрою девушек из Таиланда... Слушаю...

– Добрый день.

– Добрый...

– Мы бы хотели предложить Вашему вниманию вечерние развлекательные программы на любой вкус.

– А что именно Вы предлагаете?

– Мы можем предложить Вам лучшее казино в городе...

– Так казино, вроде как, запрещены законом?

– Ну, если кто-то запрещает, значит, кто-то и разрешает. Мы гарантируем Вам полную конфиденциальность и безопасность. Также Вы можете посетить частные поединки по боям без правил. Вы будете все время находиться под пристальным вниманием частных охранников и сотрудников полиции, поэтому можете совершенно не беспокоиться за свою безопасность.

– А Вы можете устроить нам небольшое цирковое представление?

– Что именно Вы имеете в виду?

– Ну, шоу с участием слонов и жирафов, и желательно с гиппопотами.

– Подождите, пожалуйста, минуту, – через некоторое время голос в трубке произнес:

– Мне очень жаль, но мы не сможем предоставить Вашему вниманию представления с такого рода животными. Еще раз извините. Если у Вас будут пожелания несколько другого рода, то Вы в любой момент можете обратиться на ресепшен, и мы постараемся исполнить любой Ваш каприз. Еще раз извините и до свидания.

– До свидания.

Через минуту телефон опять напомнил о себе:

– Добрый день!

– Здравствуйте...

– Не желаете приобрести препараты для поднятия настроения?

– Что именно?

– У нас самый большой выбор курительных смесей и других препаратов. Наши курьеры доставят любой интересующий Вас товар в любую точку города. Качество товара на самом высоком уровне, так как мы получаем поставки напрямую со всего Мира.

– А проблем с наркополицией не возникнет?

– Мы берем на себя полную Вашу неприкосновенность при условии, что Вы приобретаете товар у наших поставщиков.

– Какое количество можно заказать?

– Совершенно любое. От одной дозы до крупной партии. Кроме того при закупке оптовой партии мы можем организовать доставку товара в любую точку Таможенного Союза.

– Спасибо, я подумаю...

– До свидания. С нами Вы можете связаться через службу на ресепшене.

Все присутствующие в комнате слышали разговор, так как телефон был старый и орал на все открытое пространство. Все были в настоящем шоке:

- Да что же это такое здесь творится-то? Здесь, вообще, законы не работают, что ли?
- Судя по всему – да. По ходу, местные князьки разошлись не на шутку.
- А куда смотрит полиция, прокуратура, следственный комитет, ФСБ?
- Все в доле. Тут сажать можно любого, не ошибешься.
- Скорее всего, и сажают. Но только тех, кто мешает жирно жить и карманы набивать.
- Вы думаете, что в европейской части по-другому, что ли?
- Везде одинаково, просто мы давненько уже в люди не выходили, вот и все...
- Да отключите вы этот телефон, а то он так и будет трезвонить весь день. Ничего хорошего нам все равно предложить не смогут, а сплошной криминал мы и на улице увидим в достатке.

На этом все согласились. Еще немного поразмыслив о том, что происходит в стране, Блок, наконец, начал давать распоряжения:

– РоМ, Тинки, вы сейчас выдвигаетесь на место будущего банкета. Нужно хорошенько осмотреться там. Проверьте все входы-выходы, запасные норы и эвакуационные проходы, электричество и канализацию, окна и двери, стоянку и деревья, заборы и памятники – короче, все, что увидите... Лау и Свит – вам выяснить все маршруты движения и транспорт, идущий в нужном для нас направлении. Также осмотрите все близлежащие магазины, салоны красоты, прачечные, короче – все, что попадется на глаза на нашей территории...

– Блок, тебе точно Отец не давал больше никаких заданий? А то мы будем искать то – не знаю, что...

– Точно. Задание было – присутствовать на банкете. А для чего – это для меня такая же загадка, как и для вас. Так что будем вместе выяснять, для чего мы здесь находимся.

– Может, пообедаем где-нибудь заодно?

– Обедать будем на банкете. Вы сейчас налопаетесь сосисок в тесте и будете потом за столом сидеть и смотреть, как другие едят. Потерпите немного. По дороге заскочите в «Макдоналдс» и возьмете себе по бутуку. До вечера вам должно хватить, а то совсем времени у нас уже не остается, а вы его еще и на обед хотите растратить... Ну, все, расходимся, а я пока проверю, как у них здесь обустроены выезды из города. Раньше здесь везде посты стояли со специальными укреплениями для автоматчиков, посмотрим, что изменилось за эти годы.

Через пару минут в комнате уже никого не было. РоМ и Тинки неторопливо шли в сторону УВД, время от времени перепрыгивая грязные лужи и ловко уворачиваясь от брызг из-под пролетавших мимо машин. Со стороны могло показаться, что обрызгивание грязью пешеходов – это любимое занятие автомобилистов. Легкий покрывающий дождик напоминал, что на улице уже осень и наступила пора плащей и зонтов. РоМ рассказывал смешные истории из жизни, и Тинки всю дорогу хихикала, стараясь, по возможности, не привлекать к себе лишнего внимания. Они купили себе по большому бутерброду и по молочному коктейлю, и в данный момент ни обнаглевшие автомобилисты, ни, тем более, какой-то дождик, не могли испортить настроения.

УВД их встретило яркими светящимися буквами и высоченным забором. Сержант на воротах совершенно не обратил на них никакого внимания, и они беспрепятственно подошли к проходной. На входе сотрудник полиции встретил их грозным вопросом:

– Куда?

– В Отдел Лицензионно Разрешительных Работ, по поводу приобретения травматического оружия.

– Это соседний подъезд.

– Благодарю Вас.

РоМ был настолько вежлив, что чуть ли не поклонился дежурному, и вышел на улицу:

– Пропуск выписывать не послали, значит, вход свободный. Пойдем, посмотрим, что у них там.

Они бродили по зданию и осматривали все закоулки и лестницы. Прошло около получаса, а на них до сих пор никто не обратил совершенно никакого внимания. Неожиданно РоМ услышал, как Тинки его негромко зовет. Она еле сдерживала себя от истерического смеха:

– РоМ, подойди...

– Что тут у тебя?

– Вон смотри, на стене бухгалтерии объявление висит...

Тинки указывала рукой на белый лист бумаги, прикрепленный бесцветной клейкой лентой к двери. РоМ подошел и прочитал: «Всем желающим приобрести медали срочно занести в бухгалтерию по двести рублей. При заказе больше пяти медалей на отделение предоставляется скидка в размере пяти процентов. Деньги прекращаем принимать за три дня до награждения. Медали будут вручаться в торжественной обстановке на банкете по случаю приезда проверяющих из Министерства Внутренних Дел Республики».

РоМ еще дочитал объявление до конца. Его охватил такой же приступ смеха, как и Тинки, и они оба чуть не повалились на старый местами дырявый линолеум коридора. Когда они немного успокоились, то еще долго не могли говорить. Стоило одному из них начать, как оба сразу же начинали хохотать не в силах сдержаться. Вскоре на них обратил внимание один из проходивших мимо офицеров в огромной фуражке с невероятно высокой тульей. Тинки эта фуражка рассмешила не меньше, чем объявление. Она буквально повисла на РоМе от смеха, и тому пришлось отдуваться за обоих.

– Вы что-то хотели? – огромная фуражка придала важность голосу.

– Да, мы ищем кабинет, где можно оформить разрешение на ношение и хранение газового оружия.

– Это на первом этаже. Как спуститесь, сразу же поверните направо, там увидите табличку на дверях.

При слове «табличка» Тинки снова не смогла совладать с собой и громко хмыкнула в плечо РоМа, который смягчил ситуацию:

– Не обращайтесь внимания, мы только что с корпоратива...

Фуражка еще раз многозначительно осмотрела этих подозрительно хихикающих людей и удалилась по своим очень важным делам. Тинки посмотрела, как фуражка сумеет протиснуться через дверной проем, и прокомментировала увиденное:

– Цирк уехал, а клоуны остались...

– Не понимаешь ты ничего... Все руководство в таких аэродромах ходит. Помнишь, к Отцу приезжали откуда-то сверху? Они все же в таких были...

– Интересно, там уместится магазин от РПК?

– Думаю, что если наискосок приладить, то уместится...

– Ужас... А пара пистолетов и парочка гранат?

– Наверное, уместится, только видела, какая шейка тоненькая у этого «грозы криминала»? Так что думаю, что он не сможет на голове носить весь этот боекомплект.

– Значит, ему нужно укреплять свою шейку.

– Я бы даже сказал, свою серую шейку. Причем, серую не из-за того, что она грязная, а потому, что она складно вписалась в мою фразу.

– Серая Шейка – это же утка такая была, или собачонка из цирка?

– Собачонка – это Каштанка, а утка была со сломанным крылом, и ее еще, вроде как, лиса съела в конце.

– Лиса ее не съела. Она по льду не смогла пройти, а съели поросенка Ниф-Нифа, который построил себе избушку на курьих ножках, а волк ее сдул.

– Аа, точно. А Каштанку, вроде, утопил Герасим?

– Нет, утопил не Герасим, а Степка Разин, и утопил он не Каштанку, а княжну.

– А княжну разве утопили? Она же, вроде как, из башни выбросилась?

– Из башни выбросилась принцесса Сююмбике. Она еще спала в гробу хрустальном, и, чтобы ее разбудить, нужно было поцеловать ее. А охраняла ее как раз собачонка.

– Каштанка?

– Судя по всему, да.

– Ясно. Теперь, вроде, со всеми разобрались и все расставили по своим местам.

А к ним уже спешил сержант с проходной. Фуражка, судя по всему, встревожилась, увидев посторонних в здании, и решила навести порядок. Сержант показывал рукой на дверь и кричал на все УВД:

– Вам в этот кабинет!

– Спасибо, молодой человек...

Сержант стоял у двери, и было понятно, что он не отвяжется от них до тех пор, пока они не зайдут в этот злосчастный кабинет. РоМ постучал, решительно открыл дверь и сделал шаг вперед:

– Разрешите?

– Да, что у Вас там?

– Я бы хотел узнать, как можно сделать разрешение на оружие для самообороны.

– А Вы от кого?

– Я сам от себя.

– Ясно, тогда, боюсь, никак. Вернее, можно сделать разрешение на газовое оружие, а вот на травматiku не получится уже.

– Ну, газовым пистолетом в наше время уже никого не напугаешь, а вот насчет травматики что, совсем никак?

– Тут такое дело. В связи с участвовавшими случаями применения травматики криминальными структурами получено строжайшее распоряжение не выдавать такой вид оружия. Разрешение на них могут дать теперь только в Министерстве Внутренних Дел Республики. Первоначально нужно будет собрать все документы, а затем записаться на прием. Принимают там два раза в месяц по два часа. Запись идет на несколько лет вперед. Вот и думайте: реально это сделать или нет. Прибавьте к этому то, что подписывают разрешение только пятерым в месяц. Так что по закону, вроде как, и можно получить разрешение, а вот на практике – нет.

РоМ слегка наклонил голову к инспектору:

– Но ведь любое запрещение можно обойти, не так ли? Если бы Вы были малограмотным лейтенантом, это было бы одно. Но Вы же грамотный специалист, тем более, майор. Вы же, наверняка, знаете какие-то обходные маневры, а?

РоМ залихватски подмигнул майору... Тот внимательно посмотрел на РоМ, а затем встал и поплотнее закрыл дверь:

– Само собой, что можно, но Вы ведь понимаете, что это не так просто сделать?

– Конечно, но я думаю, что небольшое вознаграждение сумеет помочь нашему общему делу. Сколько это будет стоить, и как быстро мы сможем все это закончить?

Майор огляделся по сторонам и тихо произнес:

– Три штуки...

– Три штуки – это девяносто штук??

– Каких девяносто штук? Я же сказал – три штуки...

– Так три штуки в рублях?

– Ну, не в евро же...

– Хорошо, я подумаю...

– Подумайте, но дешевле все равно Вам никто здесь не сделает. У меня самые низкие расценки.

– А все будет законно?

– Само собой. Мы с Вами делаем разрешение на газовое оружие, а потом я в компьютере меняю Ваше разрешение на травматический пистолет – и все. Вы получаете официальное законное разрешение, а я небольшую прибавку и возможность свозить детей в аквапарк. Все довольны.

– Ну, что ж. Я вижу, что вы, действительно, деловой человек. Теперь я точно буду знать, к кому обращаться, если надумаю. Всего хорошего.

– До свидания.

РоМ вышел из кабинета и тут же столкнулся лицом к лицу с Тинки:

– Ну, ты чего так долго-то?

– Да так. Кстати, тебе разрешение на травматiku за три штуки не нужно случайно?

– За три штуки я себе разрешение и на боевой в Москве запросто куплю.

– За три штуки рублей, красавица, рублей...

– Если за рубли, то это даром совсем... Ладно, пошли обратно. На улице вон темнеет, а нам еще себя нужно в порядок привести. Наши уже, наверное, в гостинице все сидят.

Они вышли из УВД и направились в сторону гостиницы. Буквально через пятнадцать минут их остановил наряд полиции. Старший полицейский внимательно их осмотрел и выдал из себя:

– Здравствуйте.

– Добрый вечер.

– Вы не торопитесь? Нам очень нужны понятые, а сейчас вечер, и людей не найдешь никого, словно вымерли все...

– Что-то случилось?

– Да нет. Просто задержали одного, вот хотим оформить в отделении.

– Ну, если это не займет много времени...

– Да нет, это все быстро...

Они прошли в подъезд дома, где на первом этаже находилось отделение полиции. Отделение больше походило на какой-то бомжатник. Ободранные стены без обоев, бетонный пол, обшарпанная мебель. За столом сидел капитан в форме, а перед ним мужчина средних лет в одной только легкой рубашке и тапочках. Капитан продолжал начатый вопрос:

– Я еще раз спрашиваю тебя, где документы?

– Они у меня в пиджаке. Вы же видите, что я в одной рубашке сижу...

– А почему ты пьяный и без документов по улице ходишь?

– Я не пьяный. Действительно, я выпил сегодня, так как приехал на похороны. После похорон мы были на поминках, и я вышел во двор на лавочку, чтобы покурить, так как не хотел курить в квартире и в подъезде.

– А почему ты не взял с собой документы?

– Я не думал, что они мне могут понадобиться. Я же не собирался никуда идти. Меня задержали ваши сотрудники, когда я сидел на лавочке. Я им сказал, что могу подняться на второй этаж и предоставить им все свои документы.

– А деньги ты с собой тоже не взял?

– Нет, не взял.

– Совсем нисколько?

– Совсем.

– Даже на сигареты не взял?

– Сигареты у меня были с собой.

– Ты понимаешь, что я могу тебя сейчас закрыть на тридцать суток для выяснения твоей личности?

– За что?

– А за то, что деньги с собой не носишь, то есть, я хотел сказать, документы.

Неожиданно в отделение ворвалась пожилая женщина. Она была в накинутах сверху куртке, волосы были растрепаны. Громко крича, она бросилась к мужчине в рубашке:

– Вот ты где. А я уже тебя обыскала вся. Думала, потерялся в городе. Ты чего это здесь сидишь? Пошли домой... Замерз уже весь...

Капитан попытался ее успокоить:

– Вы, гражданка, не шумите здесь. Этот мужчина задержан для выяснения личности.

Но женщина даже не думала его слушать:

– Я тебе дам, задержан. Ты, что ли, его задержал? Я сейчас сама тебя задержу. Ишь, чего удумал. Задержал он. Это мой брат, он приехал на похороны, а ты его задержать захотел?

Она схватила брата за рукав и потащила к двери. Полицейские сидели на своих местах, и никто не решился ей противоречить, настолько она была решительна в этот момент. Когда она исчезла из отделения вместе со своим братом, капитан швырнул на стол ручку и в сердцах произнес:

– Мать вашу! Накрылся полтинник...

Он взглянул на наряд полиции и громко прикрикнул на них:

– А вы чего расселись? Марш на улицу пьяных ловить, и двери в отделение полиции закрывайте на замок, чтобы никто не мешал работать с задержанными, а то устроили здесь проходной двор...

Он указал на РоМа и Тинки:

– А эти, тоже пьяные?

– Нет, это понятые были.

– А ты их нюхал? Может, они пьяные или наркотой торгуют. Ты их хоть обыскал?

– Нет.

– Нееет... Все вас учить нужно, молодежь... Ладно, не сопротивлялись, когда шли?

– Да нет. Сразу согласились помочь. Никто не хотел идти понятыми, а эти пошли...

– Тогда отпускай их. Если хотели помочь, то и мы тоже не звери какие...

Тщательно обнюхав и проверив документы, капитан с сожалением был вынужден отпустить и их. Сегодня, судя по всему, был не его день...

Через полчаса РоМ и Тинки уже были в гостинице. В комнате Блока на столе стоял горячий чай и какие-то незамысловатые сладости. Все ждали только их:

– Вы где ходите-то? Мы уж без вас хотели идти на банкет, икру красную есть за обе щеки...

– Пришлось задержаться немного... Зато цирк видели, обхохочетесь...

Тинки в подробностях, в самых ярких красках рассказала об объявлении на дверях бухгалтерии и о громадных фуражках на головах невысоких полицейских. Вся команда покатывалась со смеху, когда она важно прохаживалась по комнате с большой подушкой на голове, изображая из себя сотрудников полиции.

Затем докладывали Свит и Лау:

– На банкет придется идти пешком или заказывать такси, так как все дороги перекрыты в связи с приездом больших шишек из местной столицы.

– Так банкет же будет еще только через три часа, а улицы уже перекрыты?

– Да. Их перекрыли еще час назад и весь общественный транспорт остановили.

– А по другим дорогам общественный транспорт нельзя было пустить, что ли?

– А там ФСО перестраховалась: перекрыли все дороги, чтобы сбить со следа предполагаемых террористов.

– Лихо они здесь работают... В Москве и то только одну дорогу перекрывают для проезда слуг народа.

– Ну, слуги народа беспокоятся за свою жизнь – она слишком важна для страны, да и ФСО нужно как-то обозначать свою нужность и незаменимость.

– Так, ладно. Давайте уже расходитесь по своим номерам и через пятнадцать минут выдвигаемся, тем более, что нам еще, непонятно как, добраться нужно до этого УВД.

В назначенное время вся команда вышла из гостиницы и направилась по незнакомым улицам в сторону будущего праздника. Весь город был в крошечной темноте, и только центральный проспект утопал в рекламных огнях. Неоновые вывески заставляли шуриться от невероятно яркого света, и казалось, что человек в данный момент находится не где-то глубоко на периферии, а в самом центре какого-нибудь Лас Вегаса или Нью-Йорка. Невозможно было представить, что стоило только свернуть на пятьдесят метров вправо или влево, и можно погрузиться в такую тьму, что без фонарика там нечего и мечтать, чтобы пройти. Редкие прохожие подсвечивали себе дорогу включенными сотовыми телефонами, очень рискуя остаться без них. Блок заметил, что несколько раз им навстречу попадались люди, которые, едва только завидев их компанию, старались побыстрее уйти с дороги, чтобы не встречаться с ними в безлюдной темноте. Вечером по дорогам в основном носились только дорогие автомобили. Они совершенно не соблюдали правила дорожного движения, и могло показаться, что город принадлежит именно им. Свит повернулся в сторону РоМа и негромко спросил:

– Как думаешь, какое главное богатство здесь?

– Ну, это несложно. Нефть и газ...

– А вот и не угадал... Дружба народов – главное богатство Республики...

– Где это ты вычитал?

– А когда днем еще ходили, то рекламную растяжку видел на одном из мостов.

– Растяжку видел? Звучит как-то угрожающе...

– А интересно, они упоминают про этот лозунг, когда учителям и врачам зарплаты выдают? Ты на людей посмотри – ходят все, как нищие. В черных дешевых кожаных куртках и китайских пуховиках все.

– Ну, летом, может, они разноцветные рубашки надевают...

– Ага, если только на свои праздники...

В разговор вмешалась и Лау:

– Вы в этом городе первый раз и уже судите о людях. Может, они с работы идут просто в таком виде? Сейчас придут домой, переоденутся и нарядные пойдут в гости.

– По такой-то темноте? Не смеши меня. Тут из подъезда-то выйти страшно, а не то что в гости идти к кому-то.

– А они такси вызовут...

– Ты таксистов-то видела? По-моему, безопаснее будет в темноте пройти, чем к ним в машину садиться.

– Ну, живут же как-то здесь люди все равно?

– Вот именно, что как-то...

Так за разговорами они потихоньку подошли к центральному зданию УВД. Здесь все сверкало и блестело. Огромная стоянка была битком заполнена автомобилями с крутыми номерами и полной тонировкой всех стекол. «Кадиллаки», «мерседесы», «хаммеры», «порше»... – автомобили были на любой вкус, но не на любой кошелек. Огромные «джипы» сверкали своей мощностью и красотой и отсвечивали в лучах рекламных огней. Все близлежащие



переулки, тротуары и даже газоны были заставлены машинами. Они стояли почти вплотную друг к другу, и было совершенно непонятно, как владельцы могли из них выйти.

– Нам точно сюда? А то это все больше смахивает на какой-то дорогой закрытый ночной клуб.

– Точно, очень смахивает. Интересно, сколько борцы с преступностью и коррупцией копили на такие тачки? Лет десять, наверное, не ели и не надевали ничего, бедняги. Им можно только посочувствовать.

– Нет, за десять лет на такие тачки не накопишь. Наверное, лет пятнадцать или двадцать... Бедные семьи... Это они в дом ни копейки не принесли за всю свою службу – все в машину уходило...

– Кстати, чтобы попасть в комитет по борьбе с коррупцией, нужно отстегнуть такую кругленькую сумму, что потом будешь в течение года ее отбивать.

– Ну, все равно окупается же, наверное, должность?

– Ага, примерно через год она окупается, и только потом уже чистая прибыль идет. Год он отбивает свои деньги, потом два года зарабатывает, а затем его или сажают, или переводят на другую должность, а эту снова продают следующему.

– А зачем так часто меняют-то?

– А это так они борются с коррупцией, чтобы не засиживался и не обрастал связями, вроде так называется это.

Блок резко прервал разгоревшийся диалог:

– Может, хватит уже чушь всякую нести? Тоже мне, знатоки коррупционных схем...

– Да ты и сам, Блок, это знаешь...

– Знаю, но не ору об этом на всю улицу.

На входе всех встречали сотрудники полиции в парадной форме. Они проверили пригласительные билеты и показали, где находится гардероб. Сдав верхнюю одежду, Тинки и Лау ушли в туалет приводить в порядок свои прически, а мужская часть смешалась с гостями, которые все прибывали и прибывали. Команда Блока была в строгих костюмах, и это выделяло их из общей массы гостей. Мужчины в основном здесь были все в форме, и только их жены поражали всех своими немислимыми нарядами. Можно было встретить и страусиные перья на платьях, и огромные яркие боа, прикрывающие толстые шеи. Каждая дама пыталась перещеголять подруг своим вкусом и финансовыми возможностями.

– Начало через час, поэтому нужно заранее занять нужные места...

– Да, пойдемте. Девушки позже присоединятся...

Друзья прошли в конференц-зал и выбрали себе места около выхода. Эти места были наименее освещены и не попадали в объективы телевизионных камер, которых здесь было предостаточно. К тому же, в случае необходимости, они могли незаметно и, главное, первыми покинуть зал.

В назначенное время концерт не начался. Все ждали приезда основного гостя – из Министерства Внутренних Дел. Прошло полчаса, а он все не появлялся. На входе в актовй зал уже скопилось довольно приличная толпа. Судя по всему, пригласительных билетов было гораздо больше, чем мест в зале, и те, кто не попал на праздник, были очень недовольны. Дежурные полицейские бегали по всему зданию и собирали стулья по всем кабинетам. Их расставляли в проходах и рассаживали гостей. Вскоре зал был забит людьми до отказа, а приглашенных меньше не становилось. Тогда в очереди стали предлагать свои варианты выхода из сложившейся ситуации:

– Можно сделать так: сначала одни смотрят половину концерта, а затем другие. Или, допустим, сначала они смотрят три номера выступающих, а затем выходят из зала и следующие смотрят, затем снова поменаться – так будет справедливо...

Наконец, один из высоких руководителей отдал приказ, и все двери были закрыты. Больше в зал никого не пускали. С другой стороны дверей еще некоторое время слышался недовольный ропот наряженных жен и их неудачников-мужей в парадной офицерской форме. Они еще какое-то время пытались штурмом взять закрытые двери, но дежурные живым щитом встали на защиту государственной собственности и закрыли доступ к теперь уже чужому празднику жизни. Но неожиданно появился маленький шанс приобщиться к этому источнику счастья. Кто-то неосторожно предположил, что концерт будет состоять из двух частей, а между ними должен быть антракт. И, наверняка, во время перерыва кто-нибудь да выйдет в туалет или покурить, а, следовательно, вполне вероятно, что могут на время освободиться некоторые места, которые просто нужно будет вовремя занять и затем оборонять от бывших хозяев, тем более что у них были законные основания требовать свою половину сегодняшнего праздника. Этот так неожиданно свалившийся с неба на их головы шанс подарил надежду на продолжение сегодняшнего вечера, и теперь наиболее предприимчивые гости уже стали составлять списки, пофамильно, по номерам записывая в очередь будущих счастливых обладателей стульев, а может быть, даже и кресел. Один из активных желающих попасть на праздничный Олимп взял инициативу в свои руки:

– Господа, господа, называйте фамилии, а я буду называть ваш номер и пропускать будем только по номерам.

– По каким еще номерам? Я первый пришел сюда и никуда от двери не отойду...

– Господа, ну же, господа. Куда прешь? Господа, называйте фамилии...

– Меня пропустите. Меня награждать сегодня будут...

– И меня награждать будут, меня тоже пропустите...

– Да здесь всех сегодня награждать будут... Руки от меня убери. Убери, я сказал. Никуда я не отойду. Я тебе сейчас в морду дам...

– Господа, не ссорьтесь. После антракта все зайдут...

А в это время в зале проходило обучение присутствующих этикету. По определенному сигналу конференсье все должны были одновременно захлопать. По-другому – вскочить со своих мест в едином порыве и так далее. Все это репетировали бесконечное количество раз до тех пор, пока все не научились, как по мановению волшебной палочки, делать все в унисон.

Большое руководство задержалось почти на час и, приехав в УВД, сразу же прошло в конференц-зал. Дежурный офицер заскочил в зал и громко крикнул:

– Господа офицеры...

Все счастливичики, сумевшие попасть в зал, в едином порыве вскочили со своих мест и стоя приветствовали вышестоящее начальство. Генерал был, как положено, в штанах с красными полосами и ярко выделялся из состава своей камарильи. Для них специально были приготовлены места в середине зала, и с большими почестями они были сопровождены на свои кресла. Когда все расселись, погас свет, и на сцену выскочил конференсье. Он поздоровался со всеми и объявил о начале сегодняшнего действия, затем пригласил на сцену одного из руководителей УВД для вступительного слова. Офицер с большими звездами под аплодисменты занял место за трибуной:

– Господа офицеры. Уважаемые гости. Сегодня мы собрались, чтобы отметить очередную годовщину нашего Управления Внутренних Дел. За эти долгие годы упорного труда мы смогли достигнуть очень многого. Но и многое еще предстоит сделать. Еще не до конца сломен хребет коррупции, которая проникла в самое сердце нашей страны. Еще теплится искра надежды у криминальных структур на возвращение к прошлому. Но под мудрым наставничеством нашего руководства – тут был подан знак, и зал взорвался аплодисментами – мы завершим начатое благое дело и сумеем выстоять в этом смертельном бою с врагами. А как же может быть иначе? Ведь мы сердцем выбрали себе профессию и не можем пройти мимо каждого

нарушения или преступления. Тем более, что нам есть, на кого равняться и с кого брать пример – знак, и зал вскочил со своих мест и долго аплодировал высоким словам.

Рядом с Блоком сидела пожилая женщина и все время путала знаки. У нее все было записано, и каждый поданный знак она сначала сравнивала со своими записями и только потом уже выполняла задания. Именно поэтому она постоянно запаздывала и очень волновалась из-за этого. Больше всего волновало то, что ее мог увидеть начальник мужа и у того впоследствии могли быть очень большие проблемы. Она громко пыхтела и ругалась вполголоса на себя и мужа, что он забыл ей напомнить, чтобы она взяла с собой очки. Муж сидел тут же и временами получал от нее тычки, выдерживая все это с настоящей полицейской стойкостью. Выступающий говорил долго и в конце своей речи привел некоторые цифры, которые зал встретил долгими аплодисментами:

– Благодаря нашей упорной работе, мы смогли добиться очень высоких результатов. Была проведена огромная работа по нейтрализации организованных преступных группировок. Была полностью ликвидирована одна из самых могущественных криминальных группировок в современной России. На ее счету десятки убийств, похищения людей, рэкет, заказные убийства и многое другое. Она имела свои филиалы в Москве, Санкт-Петербурге, Балтии, Украине, Чехии и ряде других стран. Ее численность превышала тысячу активных членов, так называемых бойцов. В данный момент задержаны и уже отбывают сроки пятнадцать преступников и еще по двум ведется следствие... Это большой удар по криминалу, и это только начало. У нас в данный момент находятся в разработке еще несколько крупных организованных преступных сообществ, и через некоторое время мы сможем привлечь к ответственности и их.

Зал несколько раз прерывал докладчика громом оваций. Все были в восторге от результатов проделанной работы.

– Теперь для поздравительной речи я хотел бы уступить свое место на трибуне нашим почетным гостям...

На сцену под аплодисменты бодро вышел генерал. Он крепко пожал руку выступающему и широко улыбнулся в зал:

– Дорогие друзья! Я очень рад, что меня пригласили на сегодняшний вечер, для меня это большая честь быть сегодня с вами на этом празднике. Ваше руководство, действительно, проделало огромную работу, и результаты этой работы мы уже можем видеть прямо сейчас. Люди на улицах уже не боятся полицейских, а любят их и уважают. Как мне докладывают мои подчиненные, участились случаи, когда простые граждане подходят на улицах к полицейским и жмут им руки в знак благодарности за их тяжелый и опасный труд. Это многого стоит, друзья. Именно за это мы и работаем, потому что для нас нет более важной и дорогой цели, чем уважение простого человека. Если раньше полицейский был коррупционером и оборотнем в погонах, то после аттестации мы оставили в своих рядах только самых честных и преданных нашему святому делу людей. Именно они и борются, не щадя живота своего, на своих местах с бандитским отребьем. Еще раз хочется поздравить всех с праздником, и я хотел бы наградить наиболее достойных сотрудников...

Зал последние слова генерала слушал уже стоя. Овации не смолкали долгое время, и, только когда он начал называть фамилии, в зале все успокоились. Каждый ждал, когда же назовут и его. На сцену выходили офицеры, и генерал лично цеплял медали на парадные мундиры.

Но, как выяснилось, награждаемых было несколько больше, чем можно было себе представить, поэтому на помощь пришли сначала один руководитель УВД, а затем еще несколько человек. На сцене в связи с этим началась неразбериха. Никто не мог понять, кто какие фамилии называл и к кому нужно подходить за наградами. В конце концов, решили просто сразу зачитать все фамилии и выдать медали, а награжденные уже сами должны были прикрепить их себе на грудь. Награждение заняло львиную долю торжественного собрания.

Не обошлось и без конфуза. Несколько раз назывались фамилии людей, которые оставались за дверью. Те пытались кричать, что они здесь и чтобы их пустили хотя бы на минуту, чтобы получить заслуженные награды. Они стучали в двери и требовали, чтобы им вернули хотя бы деньги за медали, но им, естественно, никто не открывал. Генералу же доложили, что отсутствующие в данный момент сотрудники находятся на службе, на боевом посту, и не могут принять участие в награждении. Генерал даже слегка прослезился от такого рвения в службе. Судя по всему, он, действительно, был горд за своих сотрудников.

Тинки вся изъерзалась на своем кресле. У нее уже не было сил смотреть на это шоу. Она наклонилась к Лау и тихо спросила:

– Как думаешь, это надолго еще может затянуться?

– А кто его знает. У меня такое ощущение, что уже половину зала наградили. Видела же, как вносили награды? Там двое здоровенных мужиков тащили коробку с медалями. А несли так, как будто там ящик с боеприпасами, тяжеленный. Так что, скорее всего, это еще надолго растянется...

После того, как закончилось бесконечное награждение, выступали и другие гости. Все наперебой расхваливали свое начальство и желали им долгих лет жизни и здоровья. Тексты всем писал один и тот же человек из отдела по связям с общественностью, поэтому речи не отличались разнообразием. Затем на сцену выпустили старушку, которая рассказала, как у нее в позапрошлом году обокрали квартиру, а полиция в течение суток нашла воров, которые оказались соседями-наркоманами из квартиры напротив. Она долго благодарила своих спасителей, которые вернули ей черно-белый телевизор и старый холодильник, который наркоманы так и не сумели никому продать даже по дешевке. Старушку уже никто не слушал.

Генералу рассказывали какие-то анекдоты, а сидящие в зале были увлечены изучением своих наград. Каждый пытался рассмотреть на фотоаппарате, получилось ли у него запечатлеться в истории рядом с начальством во время вручения. Жены старались, как могли. Но на сцене все происходило настолько быстро, что невозможно было поймать тот самый счастливый миг вручения. И большинство героев сегодняшнего дня были несколько расстроены.

А вечер был в разгаре. Конферансье объявил о начале праздничного концерта, и на сцену стали по очереди выходить артисты. Под первым номером выступали приезжие певцы из столицы. Это были звезды восьмидесятых, но их знаменитые хиты, которые когда-то пела вся страна, сейчас не принесли своим исполнителям должного уважения...

Для меня нет тебя прекрасней,  
Но ловлю я твой взор напрасно.  
Как виденье, неуловима,  
Каждый день ты проходишь мимо.<sup>1</sup>

– Ну, хоть музыку приличную послушаем... – Блок прикрыл глаза и удобнее развалился в кресле.

В зале же все время стоял невообразимый шум. Все делились впечатлениями, фотографировались и громко переговаривались.

Люди встречаются, люди влюбляются, женятся.  
Мне не везет в этом так, что просто беда.  
Вот, наконец, вчера вечером встретил я девушку

---

<sup>1</sup> Для меня нет тебя прекрасней – исполнитель: Поющие гитары

Там, где тревожно гудят, стучат поезда.<sup>2</sup>

- Сто лет уже не слышал их. РоМ, у тебя же, вроде, все сборники их есть?
- Да, я все себе скинул на мп плеер.

Синий-синий иней лег на провода.  
В небе темно-синем синяя звезда,  
Только в небе, небе темно-синем.<sup>3</sup>

- Слушал бы и слушал, и никакого концерта не нужно больше. Хорошо раньше пели – с душой, сейчас уже такого нет...

Певцы исполнили еще несколько песен и под жидкие аплодисменты покинули сцену. На их место тут же вышел хор МВД. Певцы построились полукругом, и на середину сцены вышел мужчина средних лет. Судя по всему, он был запевалой. Одет он был в черные строгие брюки и такую же черную шелковую рубашку, расстегнутую на несколько пуговиц. Сквозь большой вырез на груди можно было увидеть толстую золотую цепь с огромным крестом. Золотая печатка была такого размера, что надевалась сразу на два пальца. Кисти его рук, не прикрытые рукавами, были сплошь покрытые татуировками, и издали можно было даже предположить, что он был в синих перчатках. Под крестом также виднелись синие рисунки на религиозную тематику. Солист вальяжно вышел на середину и взял в руки микрофон:

– Друзья! В этот знаменательный день от всей души хочется поздравить вас с праздником. Наше предприятие в лице нашего уважаемого директора дарит вам песню. Так сказать, от нашего стола – вашему. Примите в знак нашего к вам уважения этот скромный подарок. В зале выключили свет, и певец оказался в лучах прожекторов.

Гоп-стоп, мы подошли из-за угла,  
Гоп-стоп, ты много на себя взяла,  
Теперь оправдываться поздно,  
Посмотри на звезды...<sup>4</sup>

Зал неистово хлопал в такт музыки и подпевал, порой заглушая самого певца на сцене. Особенно удачным всем показалось вступление хора, когда он повторял за запевалой. Полицейские на сцене приплясывали в такт песни и подпевали профессионально поставленными голосами. Когда песня закончилась, то зал еще очень долго не давал говорить солисту. Аплодисменты заглушали его голос, а он временами скромно кланялся зрителям и показывал руками на свое сопровождение – хор, как бы говоря, что разделяет свой сегодняшний успех с товарищами по сцене.

РоМ наклонился к Свиту:

- Как думаешь, сколько у него ходок?
- Я насчитал по наколкам – не меньше четырех, но рубашка не всю грудь открывает, так что может быть и больше.

Блок с РоМом, улыбнувшись, переглянулись и одновременно покачали головами. Такого они не могли себе представить даже в самых смелых предположениях.

---

<sup>2</sup> Люди встречаются... – исполнитель: Поющие гитары

<sup>3</sup> Синий-синий иней лег на провода – исполнитель: Поющие гитары

<sup>4</sup> Гоп-стоп, мы подошли из-за угла – исполнитель: Розенбаум

А певец со сцены уже затянул следующую песню. Это была жалостливая песня из серии подъездных посиделок с гитарой. Незамысловатый сюжет с плохо подобранной рифмой должен был вызвать слезы горя и сострадания.

В песне говорилось о том, как молодой человек полюбил девушку, а она полюбила его. На следующий день парня призвали в армию, и он попал в отряд, который занимался тем, что расстреливал заключенных. На одной из вечеринок кто-то плохо отозвался о солдате, и девушка, вынув из кармана нож, вонзила его прямо в сердце обидчику. За это суд приговорил ее к расстрелу, и ее отвезли на место исполнения приговора. Расстрелять ее приказали этому солдату. Он утром встал пораньше и взял свой автомат с патроном. Вывел свою девушку из камеры и повел в ближайший лес. Там, среди молодых березок, она стояла в белоснежном свадебном платье, а он не мог не выполнить приказ. Когда затих звук выстрела, то он еще долго сидел рядом с телом своей возлюбленной. А вечером прокурору доложили, что солдат сделал из свадебной фаты своей девушки веревку и повесился на березе, на которой еще сохранилась ее красная кровь. А прокурор еще раз пересмотрел дело этой девушки и понял, что на самом деле она была не виновата, и ее нужно было оправдать, потому что она защищала честь своего любимого, а за это нельзя наказывать. А на следующий день к прокурору пришла его старая любовь и сказала, что этот солдат был его сыном, просто она не хотела ему говорить об этом. Прокурор пошел на кладбище и к вечеру умер от разрыва сердца прямо на свежей могиле своего сына.

Вот такая история прозвучала со сцены, и зал заливался слезами, слушая весь этот бред. Песня была многим знакома, и большинство из присутствующих подпевали. Аплодисменты стояли просто оглушительные. Все остались в восторге от праздничной программы и дорогих сердцу песен. Артист исполнил еще что-то из этой же серии и, наконец, ушел. А на сцене уже стоял детский хор.

– А это еще что за мечта педофила? – Тинки была в ярости. – Им по сколько лет-то?

– Наверное, лет по двенадцать-четырнадцать.

– Вы посмотрите, как они одеты. Прозрачные рубашки, короткие синие юбочки, такие же галстуки с пилотками и сапоги. Это, вообще, кто?

– Школа или училище какое-нибудь полицейское, наверное.

– А юбки такой длины – это им тоже в училище выдают? Кто в первом ряду сидит, наверное, нижнее белье видит у них.

– Вряд ли.

– Да точно, я тебе говорю, что видно.

– Сейчас скажу... – РоМ протиснулся в проход и, пока не начали петь, прошел, пригибаясь, чтобы никому не мешать, перед сценой. Он что-то спросил у ведущего, и тот начал что-то быстро объяснять. РоМ поблагодарил его и так же, пригнувшись, вернулся на свое место.

– Ты права. Там все видно с первых рядов.

– Ну, я же говорила... Вообще, беспредел какой-то... А ты что спросил-то там?

– Спросил, когда будет банкет. Сказали – сразу после концерта...

Дети исполнили несколько песен и их быстро отпустили, а ведущий праздничного концерта важно объявил следующий номер:

– Специальные гости из столицы. Победители многих конкурсов не только в России, но и в странах бывшего Союза, танцевальная группа под управлением знаменитого хореографа – дальше шла какая-то настолько замысловатая фамилия, что ведущий сам с большим трудом смог ее произнести.

На сцене включили красный свет, и зал погрузился в темноту. Медленно танцуя в сполохах пламени, появились двое. Это были мужчина и женщина в полицейской форме. Они красиво танцевали и медленно раздевались, разбрасывая элементы одежды по всей сцене. К концу номера они остались полностью обнаженными, прикрываясь только полицейскими

фуражками. Зрители по достоинству оценили высоких гостей, и зал еще долго аплодировал танцорам.

Перед следующим номером произошла небольшая заминка, и несколько минут конференсье пытался наладить микрофон. В зале в это время стояла тишина, и можно было услышать, как позади Лау какая-то женщина разговаривала по телефону:

– Да нет, что ты... Нас же пригласили на концерт сегодня. Да, конечно, мы сначала не хотели идти, но они нас уговорили все равно. Я-то и не собиралась идти вовсе... Конечно, приглашали уж не всех... Тут все наши собрались. Ну как, что одела? Помнишь, у меня платье черное было? Так вот, я его еще две недели назад же заказала для этого банкета. Мне же его переделали, и теперь оно стало, как у жены начальника отдела, только лямки я сделала поуже, и с ожерельем оно теперь очень хорошо смотрится. И сидит оно на мне лучше, чем на этой корове. Жаль, конечно, что вас не пригласили, то есть я хотела сказать, что вы не смогли прийти. Тут все наши сидят... Она тоже пришла, представляешь, и опять одела то красное платье с пояском, помнишь, которое мы еще все вместе покупали, когда отдыхать ездили в Турцию. На нее уже, как на дурочку, все смотрят. Хоть перешила бы его, что ли. Можно же было к нему большой бант хотя бы пришить сзади или сбоку? Я бы такое платье никогда не одела, тем более, во второй раз. Она же в нем была в прошлом году, когда отмечали день торгового работника. А моего-то наградили. Да, награждал Сам... Конечно, он не всех лично награждал... Концерт хороший. Столичные гости были, потом еще банкет будет... даже не знаю, идти или нет... Если сегодня все поздно закончится, то я к тебе завтра с утра приеду и все расскажу в подробностях, тут столько всего, такие новости – ты просто закачаешься...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.